

Лев Мечников

НЕАПОЛЬ И ТОСКАНА

Физиономии итальянских
земель

Лев Мечников

**Неаполь и Тоскана. Физиономии
итальянских земель**

«Алетейя»

до 1888 г.

УДК 94(450).08
ББК 63.3(4Ита)52

Мечников Л. И.

Неаполь и Тоскана. Физиономии итальянских земель /
Л. И. Мечников — «Алетейя», до 1888 г.

ISBN 978-5-907030-22-0

Завершающий том «итальянской трилогии» Льва Ильича Мечникова (1838–1888), путешественника, бунтаря, этнографа, лингвиста, включает в себя очерки по итальянской истории и культуре, привязанные к определенным городам и географическим регионам и предвосхищающие новое научное направление, геополитику. Очерки, вышедшие первоначально в российских журналах под разными псевдонимами, впервые сведены воедино.

УДК 94(450).08
ББК 63.3(4Ита)52

ISBN 978-5-907030-22-0

© Мечников Л. И., до 1888 г.
© Алетейя, до 1888 г.

Содержание

От публикатора	7
Лев Мечников и Италия[1]	9
Неаполь и Тоскана	25
Часть 1	25
Неаполь и Тоскана	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лев Ильич Мечников
Неаполь и Тоскана. Физиономии
итальянских земель

© Р. Ризалити, публикация, 2018

© М.Г. Талалай, редакция, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

От публикатора

В первых двух томах нашей трилогии Л. И. Мечников предстает перед нами как боец, участвующий в итальянском Рисорджименто с энтузиазмом и с отречением – на грани самопожертвования, в итоге «заплативший» за это изгнанием из любимой Италии, так как его борьба за свободу и независимость народа переросла в опасную для правительства борьбу за социальную справедливость.

Живя вне Италии, Мечников не перестает глубоко интересоваться историей, географией, культурой различных итальянских регионов. Решающими для его комплексного видения процесса освобождения Апеннинского полуострова от отсталости, голода, нищеты, гнета стали путешествия на Ближний Восток, по Европе и Северной Африке, и, особенно, служба в Японии. Кругосветное путешествие 1874–1876 гг. и японский опыт позволили Мечникову окончательно расширить и «глобализировать» свои исторические концепции, и стать одним из основателей новой науки, впоследствии получившей бурное развитие под названием «геополитика».

Первые элементы этой новейшей отрасли истории можно уже отчетливо усмотреть в его очерке «Этрурия» и в «Письмах о тосканских Мареммах»: в них автор четко выводит перипетии Вольтерры из ее геологической конфигурации и из того обстоятельства, что положение города между Флоренцией и морем являлось помехой развитию флорентийской коммерции. Неслучайно Франческо Ферруччи («Гарибальди» XVI столетия, по выражению самого Мечникова) был беспощаден к Вольтерре, почти ее уничтожив...

Публикуемые очерки о тосканской Маремме с ее отличительными геоморфологическими характеристиками являют особый анализ человеческого сообщества, психологические и этнографические черты которого зависят от лесистых и плоских земель, окаймленных лиманами (*lagoni*).

Статья «Неаполь и Тоскана», открывающая наш сборник и давшая ему название, имеет немалую важность: она показывает, как Гарибальди сумел убедить неаполитанскую каморру встать на сторону объединения Италии – в этом состоит его историческая заслуга, которую не сможет зачеркнуть никакой морализм: ведь таким образом новое государство смогло избежать планы по *конфедерации* Италии под президентством папы римского (идея Джоберти, затем измененная и вновь предложенная Кавуром), а также проекты по *федерализму*, выдвинутые Карло Каттанео.

Очерк Мечникова о Сиене – это суровая критика одной отрицательной особенности Италии – ее безудержного местничества, которое часто превращает страну в «бордель», согласно обвинениям Данте. Вместе с тем, автор также позволяет увидеть город не замкнувшимся в своем провинциализме, а полноценно и сознательно участвующим в процессе Рисорджименто, не без реакции папистских сил, всё еще пропагандировавших за папу-короля.

«Письма об итальянских ремесленных братствах» обнаруживают высокий гуманизм Льва Мечникова. Он мечтает о том, чтобы бедные городские и крестьянские слои в Италии избежали пороков ускоренной индустриализации. К сожалению, европейская и мировая история пошла не тем путем, на который уповал автор: теперь периферии больших городов превратились в средоточие нищеты и депрессии, но это уже – вина не нашего бесстрашного борца против пороков общества.

В третьей части сборника мы представили проникновенные суждения Мечникова о современной ему итальянской живописи, хотя в представленную им панораму не попало зарождавшееся тогда движение «маккьяойли», воистину новаторское, предвосхитившее европейский авангард и незаслуженно обойденное искусствоведами. В этой же части – обстоятельные тексты о итальянской литературе, начиная с Уго Фосколо и кончая Джузеппе Джусти. Осо-

бенность анализа Мечникова – в том, что справедливо видит главную противоположность в литературе между Леопарди и Джусти, а не между Леопарди и Манцони, на чем ошибочно настаивает итальянское литературоведение.

Льву Мечникову удалось одному из первых, за многие десятилетия до других русских исследователей, охватить развитие итальянской политической мысли, начиная от Данте и Фомы Аквинского и кончая Чезаре Бальбо и другими деятелями Рисорджименто (от Мадзини до Феррари). Мечников и поныне остается единственным – даже в итальянской историографии – кто сумел описать историю политической мысли в Италии с самого ее начала, то есть с Данте и до эпохи объединения страны. А ведь это – родина Макиавелли! Но будем верить, что рано или поздно и какой-нибудь итальянский исследователь, не взирая на местничество и ватиканскую проблему, найдет время для подобного трактата.

Нам же остается поблагодарить этого русского эмигранта и горячего патриота Италии за его бесстрашный труд на службе исторической истины.

Ренато Ризалити, январь 2018 г. Пистойя
Перевод с итальянского М. Г. Талалая

Лев Мечников и Италия¹

Лев Ильич Мечников (1838, С.-Петербург – 1888, Кларан, Швейцария) – одна из ярких фигур истории XIX века, чья деятельность по сей день остается еще мало изученной и далеко не во всем оцененной. Энциклопедические справочники по-прежнему выдвигают на первый план его вклад в географическую науку, а самые новые – в геополитическую. Однако, с не меньшим основанием мы можем говорить о значении его работ для этнографии, социологии, истории, литературоведения, педагогики и т. д. В этом направлении выдержано недавнее переиздание его магистрального трактата «Цивилизация и великие исторические реки» и комментариев к нему.

Неутомимый труженик науки, Мечников, однако вовсе не ассоциируется с традиционным образом кабинетного мыслителя. Он жил жизнью, полной тревог и опасностей, посвященной борьбе с политическим деспотизмом, за права и свободу народов и человеческой личности. Эта борьба тесно переплеталась с его научными занятиями, служила питательной почвой и стимулом для них.

Творческое наследие Льва Мечникова огромно и до сих пор не собрано полностью, оставаясь рассеянным в различных русских и западноевропейских изданиях, в наше время малоизвестных, а то и вовсе забытых. По ориентировочным данным, оно насчитывает около полутысячи печатных произведений. Важное, во многом определяющее будущее направления творчества Мечникова, место среди них занимают работы, посвященные культуре и истории Италии и итальянским событиям, современником которых он был, и которые теперь изданы петербургским издательством «Алетейя» – в форме своеобразной трилогии – трудами историков Ренато Ризалити и Михаила Талалая.

* * *

Мечников жил в Италии в 1860–1864 гг. Эти пять лет оказались чрезвычайно насыщенными. Мечников интенсивно учился живописи, принял участие в гарибальдийском походе 1860 г., путешествовал по

Италии, проявил себя в общественной деятельности, в том числе, русских и итальянских конспирациях, устроил личную жизнь, установил обширные знакомства (Дж. Гарибальди, А. Дюма, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. А. Бакунин и др.), начал писать и сотрудничал во многих русских и итальянских изданиях. Его печатные выступления внесли новую струю в освещение современной действительности Италии прежде всего тем, что представляли «взгляд изнутри» на ее проблемы, выражая позицию общественных сил, солидарных с лозунгами Гарибальди.

Естественно, что главными персонажами журналистских работ становятся близкие автору своими идеалами итальянские патриоты, участники гарибальдийских организаций. Символичной была и подпись, которую избрал Мечников для своих корреспонденций, *Гарибальдиец*. Она стояла под сообщениями, посылаемые из разных городов Тосканы в редакцию московского еженедельника «Современная летопись». Эти и другие итальянские статьи Мечникова во многом носят автобиографический характер и представляют особую ценность для реконструкции его деятельности в посленеаполитанский период пребывания в Италии.

¹ Статья Н. Н. Варварцева первоначально вышла на итал. яз. в переводе Р. Ризалити как послесловие, с названием «Lev Mecnikov e l'Italia», в: Mecnikov L. I. Memorie di un garibaldino russo [«Записки русского гарибальдийца»] (Moncalieri: CIRVI, 2008); русский оригинал статьи (переработанный и снабженный новыми комментариями) публикуется впервые. – *Прим. ред.*

Первая корреспонденция за подписью *Гарибальдиец* вышла под названием «Неаполь и Тоскана» (включена в настоящий том). Она была написана во Флоренции и датирована 29 июля 1861 г. Вот как объяснял автор цель статьи:

Я выбрал именно эти две области, потому что, во-первых, я их знаю лучше остальных частей Италии, а во-вторых, потому что они представляют две совершенно противоположные фазы развития. Тоскана, с ее блестящим прошедшим, с ее кроткими и трудолюбивыми жителями, страна промышленности, и Неаполь с его буйными ладзаронами, готовыми на всё, даже поработать полчаса, чтобы продолжать сладкое *far-niente*², долго еще будут жить своеобразною отдельною внутреннею жизнью, какое не затевайте административное единство. Лишь когда сгладятся эти особенности, тогда только единство Италии будет вполне совершенным, тогда только начнет существовать итальянская нация...³

Единство Италии, за которое ратует Лев Мечников, он связывает с созданными под председательством Дж. Гарибальди «Comitati di Provvedimento»⁴. Принимал ли Мечников непосредственное участие в них уже в те первые после возвращения из Неаполя месяцы 1861 г.? Возможно. Очерк «Неаполь и Тоскана» однозначно лишь подтверждает, что он – горячий сторонник этих организаций, защищает их от распространяемых в Италии инсинуаций, будто они состоят «на иждивении венского кабинета». Свою позицию Мечников раскрывает в рассказе о затеянном в королевском суде процессе против журнала «La Nuova Europa» («Новая Европа»), ставшего трибуной движения за объединение Италии. С глубоким уважением он характеризует главного редактора этого издания проф. Монтанелли: «экс-министр 1848 г., друг Мадзини и горячий приверженец идей его, признаваемый даже врагами за одного из даровитейших людей Италии и за одного из лучших ораторов Тосканы»⁵. Мечников присутствовал на судебном заседании, где выступал Монтанелли, а вынесенный присяжными вердикт в пользу «La Nuova Europa» расценил как выражение поддержки идеи единства страны, которая всё глубже укореняется «в народном сознании».

Для подтверждения огромного авторитета Гарибальди в разных слоях народа бывший гарибальдийский офицер обращается к воспоминаниям о своей военной службе в Неаполе, которые дополняют характеристику, изложенную в «Записках гарибальдийца» (переизданных в первой книге новой трилогии, подготовленной Р. Ризалити и М. Талалаем).

Зловещую картину присутствия каморры в городе Мечников обрисовывает так:

В первое время моего пребывания в Неаполе меня поражали страшные, мрачные фигуры, в живописных лохмотьях, с выразительными, большею частью злыми козлиными физиономиями, которые постоянно замечал я везде, где только собиралась толпа народа. Они неподвижно стояли среди всеобщего движения, ни с кем не говорили и только внимательно посматривали из-под нахлобученных своих *sombrello*, многозначительно заложив за пазуху руку [...]. Я не один раз спрашивал у людей, более знакомых с Неаполем, что означают эти фантастические фигуры. «Гамморист, *sono della gamorra*»⁶, –

² *Итал.*: ничегонеделание.

³ Современная летопись, 1861, № 34. С. 32.

⁴ *Итал.*: Комитеты по принятию мер.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ *Итал.*: они из каморры (гаморра – неточная транскрипция автора, хотя этимологию слова каморра возводят, предположительно, к библейскому городу Гоммора).

отвечали мне, почти всегда шепотом и с суеверным страхом оглядываясь во все стороны⁷.

Мечников, по собственному свидетельству, встречал Гарибальди при въезде в Неаполь и слышал приветственную речь, которую произнес главарь каморры Гамбарделла «на неаполитанском диалекте»:

Не знаю, понял ли ее Гарибальди, – я же со своей стороны видел только отчаянную мимику. Оратор не мог окончить своей речи. Он с неподдельным волнением бросился на колени и поцеловал руку народного героя. После этого Гарибальди имел с ним много свиданий и между ними бывали продолжительные разговоры. Из этих-то и тому подобных разговоров Гарибальди в несколько дней успел коротко ознакомиться со страной, которую видел первый раз, но которую понял и угадал все нужды, и спешил по возможности удовлетворить им административными распоряжениями⁸.

Благодаря ремаркам о датах и местах написания последующих статей мы узнаем, что в ноябре 1861 г. автор «Записок гарибальдийца», то есть уже после выхода их в свет, живет в Сиене. Этот переезд, как выясняется, имел прямое отношение к активизации комитетов за объединение Италии в Тоскане. Не случайно их деятельность занимает центральное место в новых публикациях Мечникова. В Сиене, погруженной «в свои муниципальные интересы», он отмечает признаки отрадного для всей Италии явления настойчивости горожан, связывавших дальнейшую судьбу родины с Гарибальди.

Мечников знакомится с сиенцами, которые в 1860 г. «оставили свои семейства и мастерские и отправились в ряды волонтеров» гарибальдийского войска. Теперь же «главная польза, извлеченная итальянскими городами вообще из последнего переворота, есть появление ремесленных братств и обществ взаимного вспомоществования между рабочими. Они делают «великое общественное дело», к которому Мечников относит выпуск в Сиене еженедельного листка «для народного чтения» – «одну из первых попыток в совершенно новом для Италии роде»⁹.

Важным моментом в политической деятельности Мечникова стало его вступление в состав Сиенского комитета за объединение Италии, что говорит прежде всего о продолжении активного участия гарибальдийского волонтера-иностранца в итальянском освободительном движении. Как видно из его корреспонденции, Мечников стал членом этой организации на первом ее заседании в январе 1862 г. в зале Дворца dei Rozzi¹⁰. С его же слов мы знаем также о втором заседании комитета под председательством профессора университета Феррари, бывшего узника герцогского режима. В корреспонденции «Из Сиены», публикуемой также и в настоящем томе, читаем: «На правах члена, я принимал очень деятельное участие в заседании, бывшем утром 2-го февраля»¹¹, где бурную дискуссию вызвал вопрос об отношении к готовящейся в тот день в Сиене демонстрации против светской власти папы. Мнения членов комитета разделились. Мечников оказался на стороне тех, кто выступил в поддержку манифестации и вечером принял в ней участие. В своем ответе он сообщал о провозглашавшихся там возгласах «viva¹² королю Италии и Гарибальди» и «вовсе не дружеских пожеланиях папе-государю и сиенским клерикалам»¹³.

⁷ Там же. С. 29–30.

⁸ Там же. С. 30.

⁹ Там же. С. 20.

¹⁰ Современник, 1862, февраль. С. 211.

¹¹ Современная летопись, 1862, № 7. С. 6.

¹² *Итал.*: да здравствует!

¹³ Там же. С. 8.

Еще одно заметное событие в сиенской биографии Мечникова произошло 16 февраля 1862 г., когда общее собрание комитета итальянского единства сформировало свое новое руководство. Сам Мечников по какой-то причине там не присутствовал, хотя комитет и принял решение относительно его нового статуса. Оно было изложено в сохранившейся записке за подписью сиенского демократа Фортунато Фанелли, который уведомлял Мечникова, что он избран в руководящий центр комитета¹⁴. Свою новую обязанность русский гарибальдиец совмещал с редактированием газеты «Flagello» («Бич»), о чем свидетельствует письмо от 12 июля 1862 г. в Петербург к редактору журнала «Современник» Николаю Чернышевскому¹⁵.

Лев Мечников не ограничивается в своей деятельности делами сиенских общественных организаций. Сторонник идеи Гарибальди о консолидации патриотических обществ, он выезжает в другие города для установления связей между ними. В конце февраля 1862 г. посещает Лукку, чтобы «посмотреть на учреждение ремесленного братства»¹⁶. Судя по присланной отсюда корреспонденции, его интерес к луккскому братству был вызван общей для подобных организаций задачей. Здесь он рассказывает о генуэзском центре комитетов за объединение Италии, в том числе о «комитетах по делам Рима Венеции», и об одном из ремесленных братств – обществе вольных карабинеров, занимавшемся закупкой оружия и военной подготовкой итальянцев. Мечников цитирует ответ Гарибальди от 18 февраля на обращение студентов: «Вас была тысяча со мной в 1860 году. Пусть вас будет миллион в 1862-м. Готовьтесь, это главное». К этим словам автор луккской корреспонденции многозначительно добавляет: «итальянцы приготавливаются и чего-то [подчеркнуто в тексте] ждут»¹⁷.

В ходе подготовительных мероприятий гарибальдийцев Мечников посетил конгресс ремесленных братств и комитетов за объединение Италии, открывшийся 9 марта 1862 г. в Генуе и нашедший отражение в двух его мартовских публикациях в «Современной летописи» и «Современнике». Подробности, сообщаемые в очерке «Капрера»¹⁸, не оставляют сомнения, что их автор присутствовал на заседаниях не только в качестве корреспондента, но и участника конгресса. Он описывает «зал маленького театра Паганини», куда прибыли посланцы местных комитетов: «Около половины двенадцатого громкие рукоплескания с площади дали знать собравшимся о приближении их председателя. Скоро действительно вошел Гарибальди и занял место за президентским столом»¹⁹.

В своем отчете Мечников сосредоточивает внимание на итогах работы конгресса, целях, которые там были определены. В корреспонденции «Из Сиены», публикуемой в настоящем томе и написанной сразу после завершения работы в Генуе, он отметил создание по инициативе Гарибальди центральной комиссии, объединившей «существующие здесь оттенки оппозиционной партии», перечислил персонально ее членов: Дольфи, Монтанелли, Брофферио, Кунео, Кампанелла, Мордини, Карбонелли, Криспи. Здесь же почти полностью была приведена программная речь Гарибальди к представителям «славной Италии» о готовности «выкупить нашей кровью» провинции страны, всё еще находящиеся «под гнетом иностранного деспотизма»²⁰.

Примечательно, что свой отчет о генуэзском съезде автор закончил публикацией документов, составленных в духе решений конгресса и непосредственно касающихся Сиены. Это письмо тамошнего общества вольных карабинеров к Гарибальди и его ответ в Сиену, где, как мы видели выше, Мечников играл руководящую роль в комитете за объединение Италии.

¹⁴ Россия и Италия. М, 1968. С. 182.

¹⁵ Процесс Н. Г. Чернышевского. Архивные материалы. Саратов, 1939. С. 72.

¹⁶ Современная летопись, 1862, № 10. С. 8–9.

¹⁷ Там же. С. 4–5.

¹⁸ См. совр. переиздание очерка в: Мечников Л. И. Последний венецианский дож. Итальянское Движение в лицах. СПб.: Алетейя, 2017. С. 147–191.

¹⁹ Современник, 1862, март. С. 41.

²⁰ Современная летопись, 1862, № 11. С. 23.

Таким образом, нельзя исключать причастность гарибальдийца к этой переписке, выразившей и его взгляды на дело освобождения Италии. Сиенцы писали генералу:

Мы уже устроили Общество карабинеров по образцу, одобренному вами для Генуэзского батальона, и скоро будем готовы идти туда, куда вы призовете нас на славные победы, на защиту отечества. Но чтобы не поступить как-либо несогласно с вашими видами мы просим вас стать действительным председателем нашего общества, которому этим вы придадите новую силу и значение²¹.

Чего бы ни касался в своих тосканских статьях Мечников, в них неизменно фигурирует имя Гарибальди. Для него Гарибальди – нечто большее, чем действующее лицо текущих событий. В определенном смысле журналистские описания Мечникова – продолжение «Записок гарибальдийца», где он стремился показать в Гарибальди не просто человека, блестяще владеющего военным делом, но и олицетворяющего надежды и волю народа. Понять феномен Гарибальди он пытается и в упомянутом очерке «Капрера» в связи с появлением генерала в Генуе и его выступлениями в зале им. Паганини. Он делает вывод:

Гарибальди во всем мало похож на обыкновенных смертных; в особенности красноречие его очень мало имеет общего с витийством лучших здешних ораторов, очень еще привязанных ко всяким фьоритурам, неожиданным эффектам и неумеренной жестикуляции. Особенности Гарибальди, уметь очень определенно высказать многое в немногих словах простым, разговорным, но чистым итальянским языком, говорить которым здесь имеют очень немногие и которым никто не пишет²².

Мечникова-журналиста интересует в Гарибальди всё – его манеры и внешность, быт и взаимоотношения с окружающими и конечно ставший легендарным остров Капрера, с тех пор как там поселился прославленный герой. «Теперь, – пишет он о Капрере, – глаза всех обращены на нее, вся Италия у нее ждет решения своей участи. Всё, что есть в Италии смело думающего, горячо преданного благу родины, отправляется на поклонение в Капреру, как правоверные в Мекку»²³. И автор этих слов представляет панораму острова, его неказистой природы, описывает дом Гарибальди. В очерке мы не находим прямых признаков авторского присутствия на этой земле. Но сама манера описаний свидетельствует, что их представил человек, лично посетивший остров и хорошо знакомый с сельской жизнью. Иначе невозможно объяснить «украинское» сравнение, которое он использовал, детализируя капрерский пейзаж: «Стада волов пасутся на небольшом луге, с совершенно такой же тупой и хорошо всем известной физиономией, как и сотоварищи их в малороссийских степях»²⁴.

Разумеется, для Мечникова посещение Капреры было вызвано не туристским любопытством, а скорее всего подготовкой генуэзского конгресса комитетов за объединение Италии. Капрерские впечатления дали возможность ему расширить представления о знаменитом обитателе острова. «Гарибальди, – делился Мечников своими размышлениями, – так мало жил личной жизнью частного человека, что в Италии думают, будто у него нет и не было никогда потребности в ней. А между тем многое в нем заставляет предполагать, что он приносит тяжелые жертвы своим убеждениям, когда решался проводить всю свою жизнь то на военных кораблях, то на полях сражений». Его любимое занятие – мирный сельский труд, а его скромность несоизмерима с подвигами, совершенными им. Вспоминая ноябрь 1860 г., Мечников

²¹ Там же. С. 24.

²² Современник, 1862, март. С. 41.

²³ Там же. С. 2.

²⁴ Там же. С. 3.

пишет: «Сложив с себя все чины и форменные отличия, распустив свое войско, Гарибальди остался всё же тем, чем был прежде, то есть главою и центром итальянского движения, выступившего теперь в совершенно иной форме своего развития»²⁵.

То, что Мечников называл новой формой итальянского движения, продемонстрировал в Генуе съезд сторонников Гарибальди, ставший отправной точкой также и для дальнейшей деятельности волонтера-гарибальдийца. Он объезжает разные местности Тосканы, о чем можно судить по его статьям. В майской книжке журнала «Современник» за 1862 г. появились его путевые заметки, собранные под общим названием «Этрурия» и подписанные псевдонимом *Леон Бранди*.

Вся поездка Мечникова, пролежавшая через Вольтерру, Монтекатини, Помаранче, Лардерелло, проходила под знаком имени Гарибальди. Их историко-географические описания автор сопровождал отчетом о своих встречах и беседах с местными жителями. Среди них он находит тех, кто как и он, сражался в 1860 г. против неаполитанских Бурбонов. В Вольтерре стал свидетелем того, как, услышав звуки оркестра, скотоводы, пришедшие из Мареммы, дружным хором запели вдруг гимн Гарибальди, а музыканты подхватили его мотив. Из разговоров с рабочими медного рудника Мечников выясняет, что отсюда приверженцы Гарибальди уходили добровольцами в его армию. А о господствующим среди населения настроениям автору путевых заметок постоянно напоминали стены домов, испещренные «патриотическими надписями»²⁶. Там же на древней земле Этрурии, Лев Мечников познакомился с человеком, спасшим Гарибальди от австрийских оккупантов в драматические дни после падения Римской республики в 1849 г. Имя его – Джироламо Мартини, воспоминаниями которого завершаются путевые заметки.

Еще об одной поездке Мечникова узнаем из его «Писем о тосканских Мареммах», опубликованных в упомянутом «Современнике» и переизданных в данном томе. Она также была обусловлена подготовкой гарибальдийцев к новым походам. В г. Масса Мечников провел время в обществе вольных карабинеров, председателем которого оказался его сослуживец по Южной армии в боях под Капуей в 1860 г. В «Письмах» называется его имя – Аполлониио. На встрече с вольными карабинерами Мечников увидел и других знакомых по гарибальдийской армии. «Вся эта молодежь, – сообщал он, – требовала, чтобы ее непременно вели на австрийскую границу, где, по носившимся тогда слухам, Гарибальди снова собирал волонтеров». И далее цитировал их заявление: «Довольно уже мы парадировали в саду да стреляли в цель. Или пусть распустят общество, или ведут нас к Гарибальди»²⁷.

Нетерпение, которое проявляли сторонники Гарибальди, уже в мае 1862 г. обернулось столкновением между ними и правительственными войсками в Брешии, преградившими путь волонтерам в Венецианскую область. В Сиене эти события отозвались репрессивными мерами властей против Мечникова. В попавшем в руки российской полиции письме от 12 июня 1862 г., отправленном из Сиены в Петербург на имя Н. Чернышевского, он так характеризовал свое положение: «Дело мое по поводу Брешии окончилось, хотя и не так худо, как можно было ожидать, судя по самовластию здешних префектов и министерских чиновников с эмигрантами; тем не менее тоже положение очень дурно. У меня отобрали редакцию “Flagello”, и для личной безопасности я должен уехать из Италии, где не могу жить, не действуя»²⁸.

Обратим внимание на последние слова письма, подтверждающие, что Лев Мечников не представлял своей жизни в Италии без участия в ее национальном движении. Хотя после мая месяца над ним сгустились тучи, он не уехал из страны. Но Сиену пришлось покинуть. На

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Современник, 1862, май. С. 183, 190.

²⁷ Современник, 1862, июль. С. 72.

²⁸ Процесс Н. Г. Чернышевского. Указ. соч. С. 65.

некоторое время гонимый эмигрант переселяется в Ливорно. Отсюда 20 июня он адресует в редакцию «Современника» первую часть своего биографического повествования о Джузеппе Мадзини²⁹. Этот очерк, однако, не увидел свет в связи с арестом российской полицией редактора журнала Н. Чернышевского.

В Ливорно была также написана статья «Аспромонте», обозначенная в конце текста датой – 18 ноября 1862 г.³⁰ Прежде чем взяться за эту взволновавшую Европу тему, Мечников задавал себе вопрос: сможет ли он, чьи «существенные жизненные интересы тесно связаны с закончившейся при Аспромонте драмой, относиться к ней с тем холодным беспристрастием историка, какое необходимо в подобном случае?» Иного пути, был его вывод, для него не существует, чтобы восстановить истинный ход событий в виду попыток проправительственной прессы очернить Гарибальди. «Для этого, – признавался Мечников, – приходилось анатомизировать многое мне слишком близкое, приходилось забывать, во имя более или менее холодных принципов, многие слишком горячие привязанности»³¹.

Такой подход позволил автору представить аргументированный исследовательский труд, составленный на основе документальных материалов и проверенных свидетельств гарибальдийцев и правительственных чиновников, показать, что появление Гарибальди в 1862 г. в Сицилии и Калабрии с планом похода на Рим отвечало настроениям разных слоев населения. Массы горожан и крестьян ждали от Гарибальди «скорого по возможности и честного решения всех волнующих Италию вопросов»³².

Приверженность Мечникова гарибальдийскому движению определила его позицию к политическому течению, которое представляли умеренные. Она нашла отражение в его довольно объемистой работе, написанной в преддверии высадки Гарибальди в Палермо и сражения на Аспромонте и опубликованной в апрельском номере «Современника» за 1862 г. под названием «Последний венецианский дож», где шла речь о Даниеле Манине³³. Автор считал важным на материале недавней истории дать анализ сложного пути к объединенной Италии. Отмечая заслуги главы Венецианской республики в революции 1848–1849 гг., Мечников обращал внимание на эволюцию его взглядов: «Манин первый составил проект того здания, которое создал Кавур (у Манина оно было только на бумаге) и которое теперь благословляет оба эти имени, которым оно обязано своим существованием. Здание это – теперешняя конституционная Италия, опирающаяся на национальную гвардию, на избирательный ценз, на пушки-cavalli³⁴ регулярной армии и на пьемонтских карабинеров с либеральными бородками». И далее автор подводил итог: «Многие великодушно хотели приписать и Гарибальди долю участия в этом сооружении. Они ошибаются: Гарибальди никогда не был сотрудником Маниных и Кавуров – он трудится и теперь, но над другим великим предприятием»³⁵.

Тоскана, где Лев Мечников сформировался как политик и публицист, также пробудила в нем талант беллетриста (повесть «Смелый шаг», 1863 г.) и литературного критика («Заметки о новой итальянской литературе», «Современные итальянские поэты. Джузеппе Джустини», «Франческо Доменико Гверрацци», 1863–1864 гг.). Эти произведения печатались в петербургских журналах «Современник» и «Русское слово» и теперь переизданы в новой трилогии издательства «Алетейя». В них высказывалась высокая оценка творчеству Гверрацци,

²⁹ Там же. С. 64.

³⁰ Современное переиздание очерка см.: Мечников Л. И. Последний венецианский дож. Итальянское Движение в лицах. СПб.: Алетейя, 2017. С. 192–216.

³¹ Современник, 1863, июнь. С. 285.

³² Там же. С. 286.

³³ Этот очерк открывает второй том трилогии, подготовленной Р. Ризалита и М. Талалаем (СПб.: Алетейя, 2017), дав название всему тому.

³⁴ Пушки Кавалли, называемые так по фамилии ее изобретателя, савойского офицера Дж. Кавалли. – *Прим. ред.*

³⁵ Современник, 1862, апрель. С. 245–246.

Леопарди, Джусти как идейному оружию борцов Рисорджименто. Особое значение Мечников придавал историческому роману Гверрацци «Осада Флоренции», ставшему, по его мнению, «для итальянской молодежи школой, в которой образовалась марсальская Тысяча»³⁶.

Важным условием успешного «делания» Италии Лев Мечников считал также международное сотрудничество демократических сил. Эту мысль он хотел донести и до Н. Г. Чернышевского в письме из Сиены 12 июля 1862 г. Предлагая для его журнала «Современник» серию статей об Италии, он указывал на их общий лейтмотив: «Италия должна возродиться, сродниться с новым элементом – славянским и начать с ним универсальный союз»³⁷. Заметим: Мечников не выделяет здесь какую-либо одну национальность, речь идет о славянстве в целом. И в этом вопросе он выступает в русле тех принципов, которые, в частности, провозглашал в своих «Славянских письмах» Джузеппе Мадзини еще в 1857 г. и которых придерживался в своих сношениях с зарубежными революционерами Джузеппе Гарибальди.

Сам Мечников не ограничивается популяризацией идей итало-славянского сотрудничества. Он прилагает усилия к практическому налаживанию таких связей как внутри Италии, так и за ее пределами. Среди его соратников в этой работе – И. И. Прянишников, служивший, как и он, в гарибальдийском войске. К сожалению, об этом волонтере имеются лишь отрывочные сведения. Наиболее раннее документальное подтверждение о его пребывании во Флоренции нами найдено в хронике официальной газеты «Monitore Toscano» («Тосканский монитор»), сообщавшей о его выезде отсюда по каким-то делам в Ливорно 14 июня 1861 г.³⁸ Известно также, что из Италии Прянишников ездил на Балканы для участия в 1862 г. в антитурецкой борьбе черногорцев, которую поддерживал Гарибальди. Во Флоренции, по свидетельствам современников, Прянишников и Мечников часто появлялись неразлучной парой на разных встречах и собраниях³⁹.

В Россию связи Мечникова простирались через приезжавших из нее литераторов и других лиц. В 1861 г. Италию посетил один из протагонистов демократического движения в России, соредатор журнала «Современник» Н. А. Добролюбов, активно интересовавшийся итальянской политической жизнью и посвятивший ей ряд своих статей. Согласно хронике газеты «Monitore Toscano», 5 февраля 1861 г. он приехал во Флоренцию из Ливорно и, остановившись в гостинице «Европа», находился здесь 15 дней⁴⁰.

Публичная информация о прибытии во Флоренцию столь известного в литературном мире России деятеля не могла пройти без внимания Льва Мечникова, проживавшего в это время в городе («Monitore Toscano» сообщал, что Мечников выезжал отсюда в Ливорно лишь 28 февраля⁴¹). Всё это дает основание полагать, что он встречался с Добролюбовым и, возможно, через него установил письменную связь с Чернышевским, который и начал публиковать очерки гарибальдийца в «Современнике». Пребывание во Флоренции отставного русского офицера Алексея фон Фрикена, который находился в Италии с 1860 г. и знал Мечникова, подтверждает это предположение. Указывая на свои встречи с фон Фрикеном, Добролюбов в

³⁶ Современник, 1864, май. С. 198.

³⁷ Процесс Н. Г. Чернышевского. Указ. соч. С. 65.

³⁸ Monitore Toscano, 23 giugno 1861, № 168.

³⁹ Иван Петрович Прянишников (1841–1909) – русский гарибальдиец, также, как и Мечников совершивший поход в Южную Италию 1860 г.; в 1862 г. принял участие в черногорско-турецкой войне. После войны вернулся в Россию, работал телеграфистом, преподавал рисование в гимназии, одновременно выучился на мастера по слесарной и токарной части, а затем уехал в США, где работал на строительстве железных дорог, писал корреспонденции в газеты, рисовал картины из американской жизни. Отправленный корреспондентом в Париж, там и остался. Затем обосновался в Провансе, где и жил до конца жизни. Известность в мире живописи ему принесли батальные и бытовые картины с неперменным участием в сюжетах лошадей, которых он рисовал мастерски. Последняя его встреча с Мечниковым состоялась в 1881 году в Париже. Впечатления о ней отчасти использованы Мечниковым в повести «На всемирном поприще» (1882). – Прим. В. И. Евдокимова.

⁴⁰ Там же, 9 febbraio 1861, № 37.

⁴¹ Там же, 9 marzo 1861, № 60.

письме к Чернышевскому писал в мае 1861 г.: «В Италии он был мне действительно полезен своими знакомствами»⁴².

В это же время Флоренцию посетили историк литературы А. Н. Веселовский, публицисты Н. Ф. Щербина и В. Д. Скарятин⁴³ – корреспонденты популярного московского еженедельника «Современная летопись», автором которой с июля 1861 г. стал и Лев Мечников. Не все они сходились в своих оценках происходящего в Италии. Если Веселовский с симпатией воспринимал движение за объединение страны во главе с Гарибальди, то иные акценты в своих статьях делал Скарятин, выражавший неприязнь к «мадзинизму», подразумевая под этим деятельность Монтанелли, Дольфи и самого Гарибальди.

В августе 1861 г. во Флоренцию возвратился пенсионер Петербургской академии художеств Николай Ге. Его квартира находилась в доме на пьядзе Индипенденца (площади Независимости), где он начал работу над картиной «Тайная вечеря», получившей впоследствии большой общественный резонанс своим созвучием с проблемами современности. У флорентийцев квартира Н. Н. Ге получила название «голубой гостиной» за цвет интерьера ее комнат. Здесь регулярно собирались представители местной интеллигенции и приезжие из разных стран.

Колоритную фигуру этого общества представлял зять хозяина «голубой гостиной» скульптор Пармен Забелло, покинувший Россию еще в 1850-х гг. и поселившийся во Флоренции. Мечников, равнодушный к искусству вообще, хорошо знал его и, вспоминая свое пребывание в городе тех лет, отмечал, что «из постоянных жителей Флоренции более всех выделялся скульптор З[абелл]о, один из красивейших представителей малороссийского чумацкого⁴⁴ типа. [...] З[абелл]о много читал, преимущественно Прудона и Герцена, и умел хорошо переваривать прочитанное»⁴⁵. Скульптор был в близких отношениях Михаилом Бакуниным, а также с флорентийским народным вожаком Джузеппе Дольфи, образ которого запечатлел на портрете.

Другой пенсионер Петербургской академии художеств, Григорий Мясоедов, также избравший вслед за Н. Н. Ге местом своих занятий Флоренцию, оставил описание характерных для «голубой гостиной» встреч:

У Николая Николаевича Ге собиралось много весьма разнообразного народу. Тут были русские, жившие во Флоренции с давних пор, вновь приезжающие и проезжающие, тут же попадались итальянцы, французы и другие национальности. [...] В темах для разговоров недостатка не было. Политическая жизнь Италии, в это время бившая ключом, не могла не увлечь русскую колонию, а потому у Ге, после искусства, всего более говорилось о политике. Господствующий тон был тон крайнего либерализма, подбитого философией и моралью. Спорили много, спорили с пеной у рта, не жалели ни слов, ни порицаний, ни восторгов...⁴⁶

Мясоедов называл имена некоторых участников вечеров. Это – члены семьи издателя газеты «Колокол» в Лондоне Александра Герцена, среди них его сын – Александр Александрович Герцен, помогавший отцу в его связях с демократами Италии и других стран, упоминавшийся выше П. П. Забелло, публицист-эмигрант, критик российского самодержавия князь П. В. Долгоруков⁴⁷, участник французской революции 1848 г. И. Доманже, писатель профессор

⁴² Добролюбов Н. А. Собрание сочинений. М.-Л., 1964. Т. 9. С. 471. [Об Алексее Федоровиче фон Фрикене см.: Рыхляков В. Н. Род фон Фрикенов в России. М.: Лебедушка, 2012 (о его связях с Чернышевским – на стр. 154). – *Прим. ред.*]

⁴³ Владимир Дмитриевич Скарятин (1825–1900) – морской офицер, затем золотопромышленник в Сибири. Редактор и владелец газеты «Весть». Его жена, Ольга Ростиславовна, ур. Столбовская, впоследствии стала женой Льва Мечникова. – *Прим. ред.*

⁴⁴ Чумаки – возчик-торговец на волах.

⁴⁵ Исторический вестник, 1897, № 3. С. 817.

⁴⁶ Мясоедов Г. Г. Письма, документы, воспоминания. М, 1972. С. 171–172.

⁴⁷ Петр Владимирович Долгоруков, князь (1816–1868) – историк, публицист, эмигрант с 1859 г. Хорошо знавший всю

Анджело Де Губернатис, Л. И. Мечников и др. Особенно много было «иностранцев», имена которых спустя десятилетия Мясоедов не мог припомнить.

Собрания на квартире Ге носили характер жарких дискуссий по поводу событий в Италии и за рубежом. В 1863 г. в центре внимания было польское восстание, взбудоражившее Европу и вызвавшее движение в Италии в защиту поляков. Сам Гарибальди намеревался ехать на помощь повстанцам. Об этом свидетельствует его рассказ, записанный Бакуниным сразу после посещения Капреры в январе 1864 г.:

За последнее время мне жизнь надоела; я охотно расстался бы с нею, но я хотел бы умереть с пользой для моего отечества и для свободы всех народов. Я собирался поехать в Польшу, но поляки просили меня передать, что я буду там бесполезен, а мой переезд принесет больше вреда, чем пользы, поэтому я воздержался. Впрочем, я и сам полагаю, что здесь я буду для них полезнее, чем там. Если мы сделаем что-нибудь в Италии, то это будет выгодно и для Польши, которая ныне, как и всегда, пользуется всем моим сочувствием⁴⁸.

О движении солидарности с Польшей вспоминал и Г. Г. Мясоедов: «Флоренция [...] была, разумеется, на стороне угнетенных поляков⁴⁹. Многие из проживавших там русских делили их симпатию. Помню, что Николай Николаевич [Ге] был за поляков, горячо их защищал»⁵⁰.

Во Флоренции был создан комитет помощи Польши, куда вошли, наряду с другими, Дж. Дольфи и Л. Мечников. С целью организации широкой поддержки польских патриотов оба обратились в начале 1863 г. с письмами в Лондон к Герцену. 3-го марта того же года на площади Индипенденца прошла манифестация в защиту независимости Польши, на которой с речью выступил Лев Мечников. После этого Герцен поместил в «Колоколе» его письмо, в котором от имени эмигрантов из России выражался протест «против ложно патриотических чувств, заявляемых официальной Россией по поводу польского восстания» и высказывалось «живейшее сочувствие благородным деятелям польской независимости»⁵¹.

В Петербурге же после этого была составлена официальная реплика, с которой могла знакомиться лишь правящая верхушка империи. В конфиденциальном документе – «Морально-политический обзор» за 1863 г. в разделе «Революционная деятельность русских выходцев» – шеф III отделения докладывал: «Мечников, служивший прежде в отряде Гарибальди адъютантом генерала Мильбица, живет обыкновенно в Ливорно, но в начале года переселился во Флоренцию и на митингах в пользу Польши неоднократно говорил речи, направленные против русского правительства»⁵².

Переезд Мечникова из Ливорно в столицу Тосканы во многом был связан с формированием здесь зарубежного центра общероссийского нелегального общества «Земля и Воля». В 1863 г. во Флоренции появляются его активные члены и сторонники, среди них А. Ф. Стюарт⁵³, Н. Д. Ножин⁵⁴, Н. С. Курочкин⁵⁵, с которыми Мечников поддерживает контакты.

подноготную русского высшего общества, он за границей публиковал разоблачительные заметки о тайных пружинах власти в России – протекционизме, родственных связях и кумовстве, преобладающих над способностями. За это был лишен титула и получил запрет на возвращение в Россию. Те памфлеты, которые Долгоруков писал по-французски, Мечников переводил на русский для публикаций. – *Прим. В. И. Евдокимова.*

⁴⁸ Летописи марксизма, 1927. Кн. III. С. 91.

⁴⁹ Широкий резонанс во Флоренции, да и во всей Италии и даже в Европе, вызвала гибель тосканца Станислао Бекки, отправившегося в Польшу на помощь инсургентам, попавшего в плен и казненного царскими войсками (17 дек. 1863 г.). Во дворе флорентийской базилики Санта Кроче водружен в его память мемориальный барельеф со сценой казни. – *Прим. ред.*

⁵⁰ Мясоедов Г. Г. Указ. соч. С. 171.

⁵¹ Колокол, 1863, 1 сентября. С. 1397.

⁵² Красный архив, 1923. Т. 3. С. 206.

⁵³ Александр Федорович Стюарт (1842–1917) – русский естествоиспытатель, общественный деятель. Мечников в своей мемуарной заметке «Бакунин в Италии в 1864 году» упоминает о нем под инициалами А. Ф. С.; см.: Мечников Л. И. Последний

Важным звеном в расширении международной деятельности Льва Мечникова стала в конце мая 1863 г. его конспиративная поездка в Лондон для встречи с А. Герценом. Из-за отсутствия каких-либо документов мы можем судить о содержании переговоров лишь косвенно. Но вполне очевидно, речь могла идти там о вопросах, связанных с тогдашней международной проблемой – польским восстанием, а также о сотрудничестве между демократами разных стран. В связи с этим следует указать на обнаруженную среди принадлежавших Мечникову бумаг запись от 1 июня 1863 г. на визитной карточке Герцена, сделанную рукой последнего для Маурицио Квадрио. В ней издатель «Колокола», называя Мечникова «другом», просил через него прислать адрес «Жозефа» – Мадзини, находившегося в то время в Швейцарии⁵⁶.

Осенью 1863 г. Лев Мечников попал под тайный надзор итальянской полиции в связи с приездом во Флоренцию представительницы династии Романовых – великой княгини Марии Николаевны⁵⁷.

3 ноября префект Флоренции издал распоряжение:

В Комиссию по общественному надзору при префектуре Считаю нужным заявить, что некий Мечников [Mechnikoff], российско-подданный, проявил намерение устроить покушение на Е. И. В. Великую княгиню Марию Российскую, разместившуюся со своей свитой в сем городе в гостинице «Le Ville» на пьядце Манин.

Означенной комиссии надлежит произвести расследование относительно названного индивидуума, сообщить о необходимости внимания к нему со стороны квартального уполномоченного и о старательном наблюдении. Об изъянах и других особых приметах, о которых сама комиссия соберет сведения и передаст уполномоченному, можем заранее сообщить, что Мечников – хромой⁵⁸.

В тот же день префектура издала приказ, чтобы полиция района Санта Мария Новелла организовала наблюдение и охрану территории вокруг гостиницы «Le Ville», поскольку «некий Мечников, российско-подданный, вероятно, предложил совершить покушение на Великую княгиню, к которой ему не будет сложно представиться». Далее говорилось, что «особые приметы» Мечникова собираются «агентами общественной безопасности, которым поручена данная служба, а также дело изгнания из сего города означенного Мечникова [Machnicoff]»⁵⁹.

В деле префектуры о Мечникове сохранился секретный «специальный рапорт» от 11 ноября 1863 г. с биографическими данными и «особыми приметами». Вот полный текст этого

венецианский дож... (2017). С. 303. – *Прим. ред.*

⁵⁴ Николай Дмитриевич Ножин (1841–1866) – биолог-дарвинист, революционный демократ. По возвращении в Россию – один из руководителей народнического движения. О Ножине и, в особенности, о его дискуссиях с Бакуниным Л. Мечников писал в заметке «Бакунин в Италии в 1864 году»; см.: Мечников Л. И. Последний венецианский дож... С. 302–304, 308. – *Прим. ред.*

⁵⁵ Николай Степанович Курочкин (1830–1884) – поэт, публицист. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. служил врачом в осажденном Севастополе. Вместе с Мечниковым в 1858 г. служил в миссии генерала Б. П. Мансурова на Ближнем Востоке. См. об этой миссии: Письма Б. П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. М.: Индрик, 2014. – *Прим. В. И. Евдокимова.*

⁵⁶ Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 102.

⁵⁷ О пребывании дочери Николая I во Флоренции см.: Талалай М. Г. Великая княгиня Мария Николаевна и ее дворец-музей «Вилла Кварто» во Флоренции // Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. СПб: Европейский дом, 2015. С. 408–419.

⁵⁸ Archivio di Stato di Firenze. Prefettura di Firenze, 1863, filza 143, affari governativi, № 3211, ordine di servizio, 3 novembre 1863. Автор выражает благодарность сотрудникам Государственного архива Флоренции за помощь в поисках документов о Льве Мечникове. [Пер. с итал. здесь и далее – М. Г. Талалай. Оригинал на итальянском опубликован в послесловии Н. Н. Варварцева в: Мечников Л. I. Memorie di un garibaldino russo. Moncalieri: CIRVI, 2008. P. 55–56.]

⁵⁹ Там же. Granduchessa di Russia, 3 novembre 1863, Firenze.

документа, представляющего полицейскую характеристику деятельности Мечникова во Флоренции и его политических взглядов:

Российско-подданный инженер Лев Мечников находится во Флоренции с 1860 года и в настоящее время проживает вместе с женой и сыном⁶⁰ в доходном доме Винченцо Страттези на виа Паникале № 39, входящей в квартал государственной администрации Санта Мария Новелла.

Был офицером у Гарибальди во время кампаний на Итальянском Юге, и принадлежа к радикальной партии участвовал в демократическом митинге, состоявшемся на площади Индипенденца в защиту Польши, где выступил с соответствующей речью.

Его поведение – тихое и спокойное, и даже в сии дни не проявил никакого раздражения по поводу присутствия во Флоренции Е. И. В. Великой княгини Марии Российской, более того, согласно специальному за ним надзору, установленному третьего числа, выяснено, что, кроме пренебрежительного о ней устного отзыва, у него при возможной встрече с указанной принцессой нет никакого намерения нанести ей ущерб.

Продолжая надзор за указанным Мечниковым, я передал в государственную администрацию Санта Мария Новелла его особые приметы, которые таковы:

Возраст – около 35 лет⁶¹.

Рост – средний.

Телосложение – хрупкое.

Цвет кожи – белый.

Волосы – светлые.

Брови – такие же.

Борода – во всё лицо, но редкая.

Нос – регулярный.

Рот – средний.

Лицо – худощавое.

Носит белые очки⁶², белую соломенную шляпу. Одевается посредственно. Хрошает на правую ногу⁶³.

Слежка за Мечниковым, как явствует из приведенного выше рапорта, ни в чем не подтвердила предположений о нем как заговорщике, готовившим покушение на высокую персону. Да иначе не могло быть: вся политическая деятельность гарибальдийца-демократа ничего общего не имела с идеологией экстремизма и тактикой террористических методов.

Тайные действия флорентийской полиции по отношению к Мечникову совпали с приездом в Италию Герцена. Во Флоренции он остановился в Hotel American на улице Vigna Nuova, где и проживал с 4 по 22 ноября. Своей миссией на полуостров издатель «Колокола» намеревался укрепить связи с действовавшим в России обществом «Земля и Воля», которое в своем организационном построении и пропаганде ориентировалось на итальянскую Партию действия. В памятной записке, составленной Н. П. Огаревым для поездки Герцена в Италию, особое внимание акцентировалось на взаимодействии между эмигрантами и их единомышленниками в России в деле распространения информационно-пропагандистских материалов⁶⁴.

⁶⁰ Ошибка в донесении; у Мечниковых была дочь.

⁶¹ Ошибка в донесении; Мечникову было 25 лет.

⁶² Вероятно, имелась ввиду оправка из светлого металла (не из золота).

⁶³ Там же. Rapportospeciale, 11 novembre 1863.

⁶⁴ Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М, 1956. Т. 2. С. 125–126.

Не случайно во флорентийском окружении Герцена самой заметной фигурой стал Лев Мечников, обладавший широкими политическими связями в городе. Все лица, с которыми встречается здесь Герцен, – это знакомые бывшего гарибальдийского офицера. Среди них – представители «Земли и Воли» А. Ф. Стурт, А. фон Фрикен, Н. Д. Ножин, венгерский эмигрант Ф. Пульский, А. Марио и его жена-англичанка Дж. Уайт. Здесь же происходит знакомство Герцена с Дж. Дольфи, с которым тесно сотрудничал Мечников. После этой встречи редактор «Колокола» с нескрываемым восхищением писал в Лондон: «Дольфи – молодец, Чичероваккио заткнул за пояс. Мужчина с Бак[унина] ростом, с лицом античной статуи, выражающим несокрушимую волю и энергию, у него мускулы не повисли. Настоящий трибун – и очень умен»⁶⁵. 11 ноября с участием Мечникова состоялся торжественный обед, устроенный в честь Герцена, где провозглашались тосты за общество «Земля и Воля» и в память погибшего за свободу Польши одного из руководителей Комитета русских офицеров в Польше Андрея Потевни⁶⁶.

Встречи и беседы Герцена во Флоренции убедили его в необходимости публично высказаться по вопросам о Польше и России, к которым было приковано внимание итальянской общественности. Свои мысли он решил изложить в виде обращения к авторитетнейшему представителю демократической Италии и «мужу народов» других стран. Так появилось «Письмо к Гарибальди», где давались оценки положению революционных организаций в России, героизму польских повстанцев, а также их ошибкам в аграрном и национальном вопросах. Высылая уверенность в торжестве свободы польского и других народов, Герцен связывал его с именем и деятельностью своего адресата. Имея в виду происходившие недавно события, он писал: «В Украине, в Польше, в Сербии народ ждал Гарибальди»⁶⁷.

История этого документа, важного для налаживания взаимопонимания между демократами Италии, России и Польши, заслуживает более подробного рассказа в связи с неизвестными до сих пор обстоятельствами его появления. «Письмо», обозначенное авторской пометкой «21 ноября 1863, Флоренция», Герцен предварил замечанием о том, что хотел лично посетить Гарибальди, «но обстоятельства устроились иначе, я покидаю Италию раньше, чем думал, и хочу воспользоваться поездкой к вам общего друга нашего, чтоб посетить вас письменно»⁶⁸.

Кто был этот «общий друг», на которого возлагалась миссия почтальона к Гарибальди, историография долгое время не могла дать ответа. Лишь обнаружение неизвестной записки Герцена от 19 ноября 1863 г. к Дольфи приоткрыло завесу: в ней автор выражал просьбу переслать «longuelette à Garibaldi»⁶⁹ после того, как оно будет закончено⁷⁰. А в письме от 25 ноября, отправленном уже из Ливорно в Лондон, Герцен сообщал, что послание к Гарибальди готово лишь «начерно»⁷¹. Следовательно, в Ливорно Герцен продолжал работать над «Письмом», пока 27 ноября не выехал в Геную и далее в Турин и Швейцарию. Поэтому в герценоведении считается, что издатель «Колокола» отправил его Дольфи для передачи адресату между 25 и 27 ноября⁷².

Новые факты, выявленные нами в документах полицейских служб Ливорно и Флоренции, позволяют внести коррективы в историю послания. 23 ноября Комиссия по общественному надзору (Commissione di pubblica vigilanza) информировала Королевскую Префектуру провин-

⁶⁵ Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах. М., 1963. Т. XXVII. С. 376.

⁶⁶ Там же. С. 377.

⁶⁷ Там же. Указ. соч. Т. XVIII. С. 22.

⁶⁸ Там же. С. 21.

⁶⁹ *Фр.*: длинное письмо к Гарибальди.

⁷⁰ Литературное наследство. М., 1985. Т. 96. С. 252.

⁷¹ Герцен А. И. Указ. соч. Т. XVII. С. 380.

⁷² Летопись жизни и творчества А. И. Герцена, 1859 – июнь 1864. М., 1983. С. 580.

ции Флоренции (Real prefettura della provincia di Firenze), что «издатель в Лондоне журнала “Колокол”, органа молодой России⁷³, оставил сей город, где пребывал в течении 20 дней [...] и направился в Ливорно вместе со своей семьей». Далее составитель рапорта о Герцене утверждал: «Меня уверили, что он всю неделю пробудет в сем городе Ливорно и что в следующую субботу отправиться пароходом компании “Messagerie Imperiali” в Рим»⁷⁴.

Из переписки Герцена известно, что в Ливорно он проживал в Hotel Grande Bretagne, а его окружение в этом городе составляли члены семьи. Однако секретным наблюдением ливорнской полиции было установлено еще одно лицо, находившееся здесь в сношениях с Герценом. 2 декабря префект провинции Ливорно сообщал префекту Флоренции, что А. Герцен «имел ряд бесед с гарибальдийским офицером поляком Мечниковым [Meczikof], который вечером 27-го вернется во Флоренцию»⁷⁵. Таким образом, завершение и отправка письма к Гарибальди совпали во времени со встречами Герцена с Мечниковым и отъездом последнего во Флоренцию. Это и дает ключ к объяснению, каким образом оно попало в руки Дольфи для передачи адресату – Гарибальди.

Контакты между Герценом и Мечниковым в Ливорно касались также организации нелегальной транспортировки через Италию лондонских изданий в Российскую империю. Глухое упоминание об этом Герцен позволил себе лишь в письме к своим близким в Лондон от 1 декабря 1863 г. по приезде в Женеву: «Мечников поехал в Ливурну (sic) искать сбыта, и всё расшевелилось»⁷⁶. Это подтверждает ставшее известным царским властям письмо самого Мечникова к Ножину, в котором сообщалось о его поездке в Геную и Ливорно для «устройства сообщений с Констан[инополем]»⁷⁷. Дела, которые вел Лев Мечников в Ливорно, завершились успешно, вероятно, благодаря его давним связям с местными итальянскими демократами, вызвав одобрение со стороны М. Бакунина, страстно жаждавшего активных действий против самодержавия. «Тебе, Герцен, – писал он 4 марта 1864 г. из Флоренции, – давно известно, что удалось сделать Мечникову: верная и даже безденежная доставка всего из Ливорно в Константинополь и даже в самую Одессу. Требуют только адреса в Одессе. Но где его взять? <...> придется вам требовать верного человека в Одессе от З[емли] и В[оли], если З. и В. действительность, а не призрак»⁷⁸.

В 1864 г. Мечников оказался причастным к морской экспедиции, задуманной польским Национальным правительством⁷⁹. Предусматривалось, по примеру гарибальдийской «Тысячи», провести высадку волонтеров вблизи Одессы для оказания помощи польским отрядам в западных губерниях Российской империи и одновременно поднять на восстание крестьян черноморского и соседних регионов⁸⁰.

⁷³ Вероятно, по аналогии с республиканским движением Дж. Мадзини «Молодая Италия».

⁷⁴ Archivio di Stato di Firenze. Prefettura segreta, b. 20, № 74, rapporto speciale, 23 novembre 1863.

⁷⁵ Там же. Il prefetto della provincia di Livorno al prefetto della provincia di Firenze, 2 dicembre 1863.

⁷⁶ Герцен А. И. Указ. соч. Т. XXVII. С. 382.

⁷⁷ Цит. по: Рудницкая Е. Л. Шестидесятник Николай Ножин. М., 1975. С. 57.

⁷⁸ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896. С. 151. [Заметим, что это свидетельствует о том, что канал доставки литературы в Россию Мечников организовал, но использован этот канал не был. – Прим. В. И. Евдокимова.]

⁷⁹ Руководство Польским восстанием осуществлялось из двух центров: «Жонд народовой» – «белые», крупная и средняя шляхта и «Центральный национальный комитет» – «красные», демократы. В 1863 г. Жонд народовой организовал закончившуюся неудачей морскую экспедицию на Балтике. В 1864 г. Национальный комитет пытался повторить морскую экспедицию уже в Средиземном и Черном морях. — Прим. В. И. Евдокимова.

⁸⁰ Целью морской экспедиции польского Национального комитета в 1864 г. было втянуть в польское восстание европейские державы, в первую очередь Францию и Великобританию; те же рассматривали польское восстание как внутреннее дело России. Для этого предполагалось снарядить пароход под польским флагом, напасть на русское судно и тем самым перевести внутренние события в международные, чем и дать повод европейским державам присоединиться к восстанию на польской стороне и оказать ему помощь. В том случае, если действия польского парохода по захвату русского будут успешными, предполагалось затем идти в Северном Причерноморье с тем, чтобы организовать волнения уже там. — Прим. В. И. Евдокимова.

Предприятие, для которого много усилий приложили эмигранты и итальянцы-гарибальдийцы, прервалось в самый разгар его организации. Пароход, вышедший из Лондона, «за неимением бумаг», задержали в Гибралтаре британские же власти, а найденный взамен участниками экспедиции другой пароход оказался по своим мореходным качествам не пригодным для столь опасного рейса к одесским берегам⁸¹.

В 1864 г. Мечников переезжает на жительство в Геную, потом в Милан, а в декабре – в Швейцарию. Он поселяется в Женеве, где продолжает политическую и публицистическую деятельность в составе «молодой эмиграции» из России⁸². Жизнь в другой стране с ее новыми заботами не могла, однако, вытеснить из его сознания образы «делающей себя» Италии. Он неизменно обращается к опыту лет, овеянных именем «героя двух миров», под чьим руководством служил Италии и своей родине. В 1871–1872 гг. Мечников пишет серию историко-литературных статей, в которых анализирует творчество итальянских писателей, начиная с Данте, в контексте освободительной борьбы на Апеннинском полуострове. Характерны и названия, которые он дает им, напоминающие об эпохе Рисорджименто: «Политическая литература в Италии», «Литература итальянского объединения», «Гверрацци». Все они увидели свет на страницах петербургского журнала «Дело» под псевдонимом *Эмиль Денегри*, взятым литератором по имени владельца шхуны, на которой в южноамериканский период своей жизни некоторое время капитаном был Дж. Гарибальди.

Проживая в Швейцарии, Лев Мечников продолжал пользоваться репутацией последователя дела Гарибальди. Имя гарибальдийца открывало ему возможности для сотрудничества с демократами разных стран. Сохранилось свидетельство, выданное ему в октябре 1868 г. в Женеве союзом «Польский республиканский очаг» («Ognisko republikanske polskie») для поездки на Пиренейский полуостров: «Мы, – говорилось в нем, – рекомендуем гражданина Мечникова, капитана при штабе корпуса под командованием генерала Гарибальди, всем патриотам в Испании как храброго солдата и защитника свободы и независимости народов»⁸³.

Школа гарибальдийского служения идеалам свободы стала путеводной нитью всей его деятельности.

Лев Ильич Мечников ушел из жизни 30 июня 1888 г., в Кларане (Швейцария), где и был похоронен⁸⁴. Друзья, коллеги и ценители его работ в разных странах восприняли эту смерть как тяжелую утрату для дела науки и прогресса человечества. Память его почтили и в Италии, не забывшей своего отважного гарибальдийца, – на собраниях и в откликах периодической печати. Характерное для современников мнение выразил некролог, помещенный в женевском сборнике «Социал-демократ»:

Постоянный, неуспянный труд составлял всё содержание его жизни. Но трудолюбие Льва Мечникова отличалось той особенностью, что оно, как мы видели, нисколько не заглушало в нем живого интереса ко всем жгучим вопросам его времени. Лев Ильич был не только ученым; он был творцом, который умел с оружием в руках отстаивать дело свободы [...] Забывать таких людей, как Л. И. Мечников, было бы совсем непростительно⁸⁵.

⁸¹ Как писал Мечников в статье «Бакунин в Италии...»: «Пришедший пароход, на легкости и скорости хода которого покоилось все это предприятие, оказался никуда не годною ладьей, которую и на буксире тащить можно было не иначе, как с опаскою; см.: Мечников Л. И. Последний венецианский дож... (2017). С. 318. – *Прим. ред.*

⁸² В Швейцарии (сначала в Женеве, а с 1881 г. – близ Монтрё, в селе Кларан) Мечников прожил с конца 1864 до 1888 г. с перерывом на пребывание в Японии в 1874–1876 гг. Из Швейцарии он совершал многочисленные поездки по Европе (в том числе, в Италию), в Северную Африку и Америку. – *Прим. В. И. Евдокимова.*

⁸³ Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. С. 463.

⁸⁴ Номер захоронения – 2836, однако могила была впоследствии упразднена. – *Прим. ред.*

⁸⁵ Плеханов Г. В. Сочинения. М., 1923. Т. 7. С. 331.

И сегодня о нем напоминают нам его многочисленные труды, почетное место среди которых занимают работы, посвященные Италии времен великой эпохи Рисорджименто.

Н. Н. Варварцев, Национальная Академия наук Украины, Институт истории Украины, Киев, ноябрь-декабрь 2017 г.

Неаполь и Тоскана

Физиономии итальянских земель

Часть 1

Неаполь и Тоскана

Наступил ли для Тосканы реакционный период давно желанного отдыха и спокойствия, как необходимое последствие лихорадочной деятельности, или просто невыносимая летняя жара причина того застоя, которая ясно чувствуется теперь во всем?

Вопрос этот решит осень. Но невольно спрашиваешь себя, куда скрывалась эта жизнь, это почти болезненное раздражение, которое проникало повсюду, придавало интерес самым ничтожным фактам.

Периодические издания Тосканы носят на себе весьма сильный отпечаток этой метаморфозы. Не говоря уже об отделе политических известий – они обуславливаются независимыми от редакций обстоятельствами; но и самые *articles de fonds*⁸⁶ и корреспонденции, еще недавно дышавшие отчаянною борьбою партий, теперь уже не показывают ни желчности, ни увлечения.

Многие из партий, так недавно еще процветавших во второй силе, стусевались и сгладились, и теперь во Флоренции собственно партий нет.

Есть здесь огромное большинство, – большинство, выполнившее трудный подвиг, может быть не удовлетворившееся сделанными, но предоставляющее времени и дипломатии окончить дело, так блистательно начатое.

Большинство это составилось из двух партий: унитариев и умеренных. Со смертью Кавура умеренные взяли верх над унитариями; это свершилось мирно, без борьбы. Большинство устало. Оно готово на жертвы и на тяжелые лишения, но ему нужно залечить недавно полученные раны, и оно равно враждебно смотрит и на старых врагов своих кодинов⁸⁷, и на недавних союзников своих красных.

Газеты, называющие себя представителями умеренного образа мыслей, унижаются однако же до того, что уверяют, будто либеральные комитеты *comitati di provvedimento*⁸⁸, учрежденные Гарибальди и состоящие под его председательством, состоят на иждивении венского кабинета (Гарибальди – кондотьером у австрийского императора! Вот до каких нелепостей доходит слепое пристрастие), им, конечно, не верят читатели, как не верят им сами редакторы, но нелепые слухи здесь, как и везде, более всего имеют ход. Впрочем, как ни мелочны эти выходки, мне они не кажутся смешными: понятно, что нация, посредством сильных трудов и пожертвований выработавшая себе сколько-нибудь удовлетворяющий ее порядок, дорожит им и отстаивает его особенною горячностью и с пристрастием, ревнивым и мнительным.

В число новых учреждений, введенных здесь вслед за уничтожение автономии и вместе с пьемонтским статутом, особенно привлекает внимание публики учреждение суда присяжных, для разбора литературных преступлений.

⁸⁶ Передовицы (*фр.*) – Здесь и далее прим. М. Г. Талалая.

⁸⁷ Codino (*итал.*) – хвостик, косичка; переносно – консерватор, реакционер, ретроград, по прическе роялистов во время Великой Французской революции.

⁸⁸ Прибл. «комитеты по устройству» (*итал.*) – ячейки политически активных горожан, продвигавших процесс объединения Италии. Сам Л. Мечников в статье «Из Италии», публикуемой ниже, переводит название как «комитеты снабжения, или предусмотрительности».

В парламенте был уже возбужден вопрос о распространении этого суда на дела всякого рода во всем Итальянском королевстве, но разрешение этого вопроса отложено до заседаний будущего года.

Общественное мнение им очень занято, и брошюра г. Габелли, под заглавием: «Присяжные и Итальянское королевство» («I giurati e il Regno d'Italia»⁸⁹), возбудила сочувствие публике, хотя впрочем немного высказано в ней нового по этому предмету.

Учреждением суда присяжных для преступлений по печати, правительство выказало доверие к общественному мнению и сознание своей популярности; можно надеяться, что оно не замедлит придать этому учреждению то более обширное значение, которого требуют обстоятельства.

Несколько дней тому назад, а именно 22 текущего месяца, собралась многочисленная толпа в зале заседания Королевского Суда, *Corte Reggia*, где в этот день назначено было обсуждение процесса против журнала «Новая Европа»⁹⁰, обвиненного в оскорблении особы короля. Издание это – орган тех комитетов и братств, о которых я сейчас упоминал. Ответственный его редактор-распространитель – профессор и адвокат Монтанелли⁹¹, экс-министр 1848 г., друг Мадзини и горячий приверженец идей его, признаваемый, даже врагами, за одного из даровитейших людей Италии и за одного из лучших операторов Тосканы. На этот раз Монтанелли принял на себя защиту «Новой Европы», что придало этому делу еще большую занимательность. Прибавьте к этому наследованную итальянцами от римских плебеев страсть к зрелищам вообще и к даровым в особенности, наконец самую новизну зрелищ подобного рода, и вы легко поверите, что к 10-ти часами утра (заседание открылось в 11) нельзя было протолпиться в огромный зал *Palazzo Vecchio*⁹², где помещается высший суд, *Corte Reggia*, соответствующий французским *Cours d'Assise*. Судьи заседали в своих средневековых костюмах. Косой грефье⁹³ в черной мантии, из-под которой проглядывали изношенные панталоны табачного цвета, разносил присяжный лист. Я не стану подробно описывать ход всего заседания; упомяну главные факты, относящиеся прямо к разбираемому процессу.

Секретарь прочел акт обвинения; всё дело было не что иное, как придирка, основанная на двусмысленной фразе. *Pubblico ministero*, то есть королевский адвокат, довольно изысканною речью успел возбудить в публике раздражение против подсудимого и его защитника, но придать большой важности самому обвинению не мог. Адвокат подсудимого был между тем в довольно затруднительном положении. Очевидно, не одно желание оправдать г. Марубини, ответственного редактора «Новой Европы», заставило его вновь надеть адвокатскую мантию. Каждый из присутствующих ясно понимал, что на этот раз присяжные судили не отдельное преступление, не частный, случайный факт, но всё направление журнала. Монтанелли в самом начале своей защитительной речи высказал это, но президент тот час же прервал его, заметив, что он здесь имеет право слова только как защитник г. Андреа Марубини, что всякое отступление, как замедляющее ход дела и сбивающее присяжных, законами запрещено, и что вследствие этого он, президент, вынужден будет лишить адвоката этого права, если тот прямо не обратится к защите подсудимого. Монтанелли возразил, что статья статута, определяющая меру наказания за оскорбление высочайшей особы короля, не характеризует вместе с тем этого

⁸⁹ Точное название книги Аристида Габелли (Gabelli). «I giurati nel nuovo Regno Italiano secondo la Legge sull'ordinamento giudiziario e il Codice di procedura penale [Присяжные в новом Итальянском королевстве согласно закону о директивах и Кодекс уголовной процедуры]» (1860).

⁹⁰ Газета «La Nuova Europa» была основана во Флоренции в 1861 г. и закрыта в 1863 г., став на краткий период рупором радикальных последователей Гарибальди и Мадзини; см.: Furiuzzi M. «La Nuova Europa» (1861–1863). *Democrazia e internazionalismo*. Milano: Franco Angeli, 2008.

⁹¹ Джузеппе Монтанелли (Montanelli; 1813–1862) – литератор и общественный деятель.

⁹² «Старый дворец» – флорентийская ратуша, одна из главных достопримечательностей Флоренции.

⁹³ Должностное лицо при франц. парламенте или суде, составляющее официальные отчеты, редактирующее документы и т. п.

вида преступлений, и что поэтому его, как адвоката подсудимого, прямая обязанность сделать эту характеристику, без которой невозможно доказать, существует ли именно в настоящем случае это преступление. Я не приведу вам здесь всей речи профессора Монтанелли, но расскажу в нескольких словах ее содержание. Я в первый раз слышал этого адвоката, и должен сознаться, что г. Монтанелли представляет блестящее исключение из среды своих итальянских собратий. Он долго жил во Франции и Испании, где был знаком со всеми судебными знаменитостями тех времен, и где совершенно оставил привычку, сильно вредящую итальянским ораторам на кафедре и на театре, – привычку вычурной декламации, напыщенных фраз и бешеной жестикуляции. Монтанелли говорил просто и спокойно. Период его понятен для каждого, обыкновенный итальянский период, ясный и незапутанный латинско-германскими ухищрениями писателей распространенной здесь школы, поставившей задачей говорить и писать так, как никто не говорит по-итальянски. Лучшие здешние писатели не чужды этой странной натянутости. Опираясь на авторитет Филанджиери⁹⁴, оратор определил то юридическое воззрение, с которого должно смотреть на вышеозначенный вид преступлений; затем, цитируя Одилона Барро⁹⁵ и Альбертиновский кодекс⁹⁶, приводя множество примеров из истории французского и английского законодательства (оратор хорошо знает склонность здешней публики к аргументам этого рода), он дошел до того заключения, что в преступлениях печати – где единственное оружие слово, то есть где материальная сторона совершенно сливается с стороной нравственной – более чем во всяком случае играет роль намерение, с которым сказано слово или фраза, подавшая повод к обвинению. Переходя от общего к частному, он свел вопрос к тому, можно ли с очевидною ясностью доказать, что в приведенных в обвинительном акте нескольких строчках из парижской корреспонденции журнала «Новая Европа» заключается намерение возбудить общественное мнение против особы короля, унижить его личность в глазах народа.

«Если да, – говорил он, – если для присяжных присутствие этого намерения в вышеприведенных словах ясно, как день, то, хотя бы и можно им придать другой грамматический смысл, преступление существует и должно быть преследуемо законом. Но если доказательства этого намерения нет, то нет и самого преступления». Потом он подробно разобрал эти строки и привел слушателей к тому заключению, что в настоящем случае преступления не существует.

«Да неужели, – сказал он в заключении своей защитительной речи, – неужели можно было бы предположить намерение оскорбить народ в лице его избранника в журнале, постоянно стоящий за голос народный, за общую подачу голосов, *suffragio universale*? Неужели его можно было ожидать от органа той самой партии, которая первая внесла знамя освобождения в Ломбардию, поработленную иноземным врагом, с криком: «Единство Италии и Виктор-Эммануил!», которая не изменила своему девизу, как не изменила своему вождю и теперь еще во время похода в южную провинцию, которая, наконец, когда иноземное его тяжелым ярмом гнело родную сторону, сказала королю: «будьте за народ, и мы за вас?». Это говорил главный редактор журнала, подвергшегося обвинению. Стало очевидно, что намерения оскорбить особу короля не было, и что обвинение было преувеличено. Присяжные оправдали подсудимого, и присутствовавшие, так враждебно смотревшие и на журнал, и на его защитника, встретили решение присяжных выражением живого сочувствия и одобрения.

Процесс «Новой Европы» есть одно из доказательств того, что так называемая партия действия остается верною королю Виктору-Эммануилу и воодушевлена лишь стремлением к единству Италии. Успехи, которые сделала идея единства в народном сознании, очень замечательны. Помня, как недавно еще было то время, когда жизнь южных провинций полуострова

⁹⁴ Гаэтано Филанджери, иначе Филанджиери (Filangieri; 1753–1788) – неаполитанский философ и юрист.

⁹⁵ Одилон Барро, полное имя Иасинт Камиль Одилон Барро (Hyacinthe Camille Odilon Barrot; 1791–1873) – французский политик и государственный деятель.

⁹⁶ Альбертинский статут – конституция, дарованная 4 марта 1848 г. королем Карлом-Альбертом Сардинским; с 1861 г. после объединения Италии стала Конституцией королевства Италии.

интересовала тосканцев столько же, сколько подвиги французов в Китае, и видя с каким участием теперь принимаются здесь же известия о событиях в Неаполе, невольно чувствуешь, на сколько образовалось уже единство. *Iam proximus ardet Ucalegon*⁹⁷.

Неаполитанские события имеют весьма неблагоприятный для новорожденного королевства характер. Разбои и грабежи в Калабриях и Капитанате, в Терра-ди-Лаворо и самом Неаполе выходят за пределы вероятия. Целые города, как, например, Козенца, еще так недавно приветствовавшие Гарибальди и его сподвижников именем избавителей, выказавшие такое горячее сочувствие народному делу, теперь дают у себя приют шайкам Кьявоне и подобных ему «генералов и полковников Франческо II»⁹⁸ и учреждают временные правительства от его имени. Окрестности Неаполя наводнены теми же шайками. И, что всего замечательнее, преданность тамошних жителей одному имени Гарибальди нисколько не изменились, и Кьявоне вынужден с особенным уважением говорить о народном герое в своих возмутительных прокламациях.

В самом Неаполе среди белого дня убивают одного отличившегося преданностью новому правительству советника полиции, в собственном его доме, и полиция не может отыскать преступника. Граф Понца-ди-Сан-Мартино⁹⁹, бывший наместником Неаполитанской области, для избавления управляемых им провинции от этих злодейств, требовал сначала присылки большого количества войск, затем объявления Неаполя на военном положении. Депутаты и за ними адрес, подписанный более чем 1.000 неаполитанских жителей, ходатайствовали об исполнении этого требования. Носятся слухи, что подписавшие этот адрес – отъявленные реакционеры, но я сообщаю это просто как слух, которых здесь очень много, неизвестно ни на чем основанных, ни кем распушенных. Что же касается вотировавших за осадное положение депутатов, – и это факт положительный, – то по возвращении на родину они были встречены торжественными свитками и кошачьей серенадой. Министерство не решилось объявить осадное положение, но и приняло отставку Сан-Мартино и на его место назначило генерала Чальдини¹⁰⁰ – назначение, по мнению многих, стоящее осадного положения.

Позвольте по этому поводу привести выписку из туринской корреспонденции одного флорентийского журнала, показывающую, каким нападкам подвергается назначение генерала Чальдини. «Думаете ли вы, что приобрести любовь и уважение народонаселения целой провинции так же легко, как переловить и расстрелять шайку бунтовщиков и разбойников?» – спрашивает корреспондент у генерала Чальдини и у тех, кто его послал. «Но если б это было так, то кто более австрийцев имеет право на преданность и благорасположение итальянцев? Они несравненно опытные и искуснее нас в этом деле. Может быть вы скажете, что австрийцы в Италии всегда были и останутся иноземными пришельцами, ну так возьмите неаполитанских Бурбонов. Кажется, они уже совершенно успели сродниться со страной. Они говорили ее наречием, этим хвастается Франческо в своей прокламации; а те, которые от их имени грабили и утесняли народ, были уже безо всякого сомнения однокровными соотечественниками угнетаемых. Однако же ни огнем, ни мечом не сумели они удержать в порабощении народ, как только проснулась в нем потребность иметь правительство более честное и справедливое. И то, чего мы не могли сделать Бурбоны, казалось, прочно укрепившееся в стране, в которой с давних лет они сняли семена раздора и порока, в которой щедрыми подачками они успели привлечь на свою сторону не одну алчную и честолюбивую натуру, – то, на что у них не хва-

⁹⁷ «Горит жилище соседа Укалегона»; цитата из «Энеиды» Вергилия (11:311; пер. с лат. С. А. Ошерова) – о непосредственной и близкой опасности.

⁹⁸ Франциск (Франческо) II Бурбон-Сицилийский (Francesco II delle Due Sicilie; 1827–1892) – последний неаполитанский король, потерявший трон в результате экспедиции Тысячи Гарибальди и последующих военных действий Пьемонта.

⁹⁹ Густаво Понца, граф ди Сан-Мартино (Ponza di San Martino; 1810–1876) – пьемонтский политик.

¹⁰⁰ Энрико Чальдини (Cialdini; 1811–1892) – военный и политический деятель Рисорджименто; один из руководителей осады Гаэты, где оказывал последнее сопротивление бежавший из Неаполя Франциск II Бурбонский.

тило силы, говорю я, думаете успеть сделать вы, вы, вчера сюда явившиеся, явившиеся может быть, без приглашения жителей, в которых до сих пор кроме неудовольствия и недоверия вы ничего возбудить не сумели. Вы хотите штыками водворить порядок! Неужели вы считаете южных итальянцев способными делать революции с единственной целью променять штыки из арсеналов Каstell-Нуово¹⁰¹ и Пьетрарсы¹⁰² на штыки, отточенные против их груди в Турине? Мы не сомневаемся, что вы истребите разбойников и реакционеров, пресечете зло (не вами ли же порожденное?); но мы не думаем, чтобы во имя достижения этой цели позволено было, вопреки закону, ставить генерала Чальдини выше общественного мнения, выше самого закона. И отчего именно Чальдини? Мы вовсе не отвергаем блестящих достоинств завоевателя Гаэты; ни мало не подвергаем сомнению его горячую преданность благу отечества, его благоразумие, умеренность; мы готовы видеть в нем идеал человека. Но как вы не хотите понять, что в политике главную трудность составляет выбор людей, что не только личные достоинства, но и самое имя в этом случае имеет значение? Менее всего в Неаполь можно было бы послать наместником Чальдини, автора несчастного письма к Гарибальди¹⁰³, которого Неаполь боготворит. Может быть примирение (Гарибальди с Чальдини) и погасило несколько гнев и раздражение неаполитанцев, оскорбленных в лице своего героя, но есть вещи, которые нелегко забываются народом, а в особенности пылким народом южной Италии. Я от души желаю, чтобы новому наместнику удалось привлечь к себе народный и либеральный элемент края (как он выражается в своем воззвании к VI корпусу), но вместе с тем я сильно сомневаюсь, что он мог успеть в этом. Представители этих начал в южной Италии всеми силами души обращены к тому, кто одинокий теперь на скалах Капреры¹⁰⁴ держит в своих руках судьбы Италии, и кого оскорбления выскочек и врагов не более могут возмутить, как легкий ветерок – каменные утесы Альпов».

Этими и подобными этому приветствиями был встречен Чальдини при новом своем назначении. Общее неудовольствие усилилось тем, что по приезде своем в Неаполь он обратился прямо к войску с прокламацией, в которой едва вскользь упомянул о том, что он намерен искать содействия и расположения жителей. С другой стороны, он получил угрожающее, но не без такта написанное письмо от предводителей разбойничьих шаек, которые, я думаю, скоро раскаются в своей дерзкой выходке. Мне кажется, однако ж, что люди, относящиеся так враждебно к новому наместнику, несколько увлекаются и слишком поддаются чувству предубеждения против этого генерала, так недавно еще оказавшего важные услуги отечеству. Об административных его способностях до сих пор мало известно, и мы не имеем права предполагать, что он без разбора будет давать ход той суровости, которой требовали от него тогдашние обстоятельства. Впрочем, слухи о предоставлении ему особенной власти, подавшие повод к приведенной мною корреспонденции, оказались несправедливыми, а при настоящих событиях необходимы меры решительные.

Что же касается совершенного водворения порядка в Неаполитанской области, то дело это крайне трудное, и одна личность, называется ли она Чальдини, или иначе, сделать ничего не в состоянии. Зло слишком глубоко пустило корни, и освящено многими годами терпимости. Болезнь хроническая, и против нее нужно упорное радикальное лечение.

В Неаполе многое было говорено и писано со всевозможных точек зрения; но, несмотря на всё это, можно еще много сказать о нем, чтоб иностранная публика могла сколько-нибудь

¹⁰¹ Castel Nuovo («новая крепость») – одна из главных цитаделей Неаполя, стоящая на берегу моря.

¹⁰² Pietrarsa, местечко к югу от Неаполя, где было устроено металлургическое и оружейное производство (в настоящее время музеефицировано).

¹⁰³ 22 апреля 1861 г. Энрико Чальдини опубликовал в «Gazzetta di Torino» открытое резкокритическое письмо к Гарибальди, получив затем от него взвешенную и убедительную отповедь.

¹⁰⁴ Имеется ввиду Гарибальди, удалившийся в самоизгнание на о. Капрера; см. очерк Л. Мечникова «Капрера» в его книге «Последний венецианский дож. Итальянское Движение в лицах» (СПб.: Алетейя, 2017, с. 147–191).

точно судить о значении и характере теперешних кровавых событий. Впрочем, успокойтесь, благосклонный, да заодно и не благосклонный читатель: я не буду распространяться ни о величественном виде Везувия, ни о красоте Санта-Лучии. всё это уже очень давно описано; теперь вулкан другого рода привлекает мое внимание. Вулкан этот – огромная масса неаполитанского народонаселения, оставшаяся за цензом, живущая вне покровительства законов, не несущая за то никаких тягостей гражданского устройства, это, одним словом, – ладзароны¹⁰⁵.

С поэтической точки зрения жизнь этого класса, исключительно свойственного Неаполю, разобрана давно. Но так как всё сказанное до сих пор о ладзаронах без особенных изменений и без натяжки может быть применено к жизни константинопольских собак, то я не лишним считаю сказать несколько слов и положении ладзаронов и вообще о бывшем гражданском и административном устройстве Неаполя. Нисколько не отвергаю, что эта первобытная свободная жизнь под небом южной Италии имеет свою поэтическую сторону, которой однако сами ладзароны не сознают и не могут сознавать, по той очень простой причине, что они вообще не дошли еще до человеческого сознания о себе и окружающей их жизни, не дошли, конечно, не по своей вине, а благодаря тем препятствиям, которые постоянно подставляли им на пути их развития поэтические администраторы Неаполя, со времен принца Филиберта Оранского¹⁰⁶, или даже и прежде, и до самого г. Либорио Романо¹⁰⁷ включительно. «Но, скажут мне, ладзарон счастлив, потребности его очень ограничены и потому легко удовлетворяются. Он вполне доволен своим положением и не променяет его на самое блестящее положение в свете». Нет, смело отвечаю я. Может и была такова жизнь ладзарона в золотом веке его существования, во время правления короля Назоне¹⁰⁸, когда Неаполь не более был стеснен полицейскими положениями, чем например степь Сахары, когда за 1 грань (1 коп. сер.) можно было наесться вдоволь арбуза и пиццы; когда англичане толпились на Кьяйе и, заглядевшись на Везувий, оставляли без прикрытия батистовые платки и табакерки в задних карманах своих фраков; когда сбирь¹⁰⁹ и полициотти¹¹⁰ давали полный ход промышленности ладзаронов, и мирились на незначительном проценте с барышей. Счастливое это время и теперь еще сохранилось в предании, но в сущности оно давно уже миновало. Пицца вздорожала, а главный источник доходов ладзарона, англичане, становится менее прибыльным с каждым днем. Бурбонское правительство давно уже всеми силами старалось привязать к себе бульдога. По табельным дням, по годовым праздникам им раздавались от имени короля съестные припасы и несколько копеек денег. Часто король сам присутствовал при этом, а иногда королева собственноручно надеяла толпу щедрыми ломтями жирной пиццы. Ладзарон брал с добродушной улыбкой, кричал неистовая *vivai*, кидая вверх свой фригийский колпак, а отойдя, снова скалил зубы. Пульчинелла¹¹¹ не так глуп, как кажется...

Я не думаю, чтобы в каком-либо городе было столько человеколюбивых учреждений, как в Неаполе; там есть братство Милосердия (*la Misericordia*) и множество других с целью помо-

¹⁰⁵ Ладзарони, иначе лаццарони – неаполитанский плебс, люмпен-пролетариат, со своей ярко выраженной идентичностью (по имени ев. Лазаря – покровителя бедных и больных; ср. выражение «петь лазаря»),

¹⁰⁶ Филибер де Шалон-Арле, принц Оранский, сеньор Арле и Нозеруа (Philibert de Châlon-Arlay, 1502–1530) – известный полководец, главнокомандующий императорскими войсками в Итальянской кампании Карла V, с 1528 г. генерал-капитан Неаполя.

¹⁰⁷ Либорио Романо (Romano; 1793–1867) – политический деятель эпохи Рисорджименто, часто и умело проводивший двойную игру: будучи министром внутренних дел при последнем неаполитанском короле тайно содействовал успеху Гарибальди, против которого не раз интриговал и проч.

¹⁰⁸ Фердинанд I. – Прим. автора. [Nasone (*итал.*) – носилец; прозвище короля Фердинанда I Неаполитанского (1751–1825), он же Фердинанд IV Обеих Сицилий, с 1816 г.]

¹⁰⁹ Итальянизм: *sbirro* – полицейский стражник, сыщик, шпик (презр.); в XIX в. также – судебные и полицейские служители, которые были вооружены и имели военные структуры.

¹¹⁰ Итальянизм: *poliziotto* – полицейский.

¹¹¹ *Pulcinella* – персонаж итальянской Комедии дель арте, сходный с русским Петрушкой.

гать бедным, недостаточным больным давать средства лечиться, хоронить неимущих мертвых. Там есть Братство бедных св. Януария, где устаревшие слуги находят приют и спокойствие. Но ладзарон, как прокаженный, чужд благотворного действия этих филантропических учреждений. Здоровый, он промышляет; состарившийся, больной, он лежит под портиком какой-либо церкви, благо в них нет недостатка в Неаполе, и довольствуется тем, что добровольно дают ему сердобольные прихожане.

Благодаря этой промышленной жизни, требующей постоянного напряжения умственных способностей, благодаря природной наблюдательности и добродушно саркастическому здравому смыслу, ладзарон далеко не так туп и неразвит, как этого можно бы ожидать. Неаполитанцы вообще охотники до гимнастических упражнений; во всей Европе они славятся искусными фехтовальщиками и ловкими наездниками. Ладзароны довели до высшей степени совершенства искусство владеть стилетами и камнями; это единственное их оружие; оно у них всегда под рукой, и регулярные батальоны швейцарских наемников не раз отступали перед толпой, вооруженной столь первобытным образом. Но чем сильнее становились ладзароны, тем более энергическую оппозицию представляла им администрация. Приглядевшись поближе к их жизни, невольно удивляешься тому, сколько усилий нужно было им, чтобы удержаться хоть на той жалкой степени, на которой они стоят теперь; удивляешься тем разнообразным способностям, которые тратились бесплодно на эту алчную борьбу с толпой кровожадных грабителей и воров в мундирах сбиров и полицейских чиновников. Дайте ладзарону другую обстановку, другого, более достойного врага, из него выйдет Мазаньелло¹¹²; при теперешних условиях он ловкий карманный плут, или страшный гаморрист¹¹³.

В первое время моего пребывания в Неаполе, меня поражали страшные мрачные фигуры, в живописных лохмотьях, с выразительными, большей частью злыми козлиными физиономиями, которые постоянно замечал я везде, где только собиралась толпа народа. Они неподвижно стояли среди всеобщего движения, ни с кем не говорили и только внимательно посматривали из-под нахлобученных на глаза своих *sombrero*, многозначительно заложив за пазуху руку. В них было столько таинственного, театрально-эффектного, что они невольно бросались в глаза. Идете ли вы по базарной площади, торгуетесь ли с веттурином¹¹⁴ на извощичьей бирже, они тут как тут, словно столбы с напечатанною на них таксой, составляющие необходимую принадлежность, подобных собраний в городах более цивилизованных. Я не один раз спрашивал у людей, более знакомых с Неаполем, что означают эти фантастические фигуры. «Гаморристы, *sono della gamorra*»¹¹⁵, отвечали мне, почти всегда шепотом и с суеверным страхом оглядываясь во все стороны. Я ничего не понимал и думал, что гаморра, подобно *iettatura*¹¹⁶, сглазу, создание пылкой неаполитанской фантазии. Оказалось однако иначе. От гаморриста, не то что от иеттатора, не спасут вас коралловые рожки, носимые неаполитанцами на часовой цепочке для предохранения от сглаза. Тут пожалуй и рожки и цепочка вместе с часами исчезнут разом, если вы немножко зазевааетесь по сторонам. Но гаморристы и не просто воры. Я собирал повсюду о них сведения, и, так как это учреждение играет очень важную роль в неаполитанской жизни и занимает теперь всех без исключения, я сообщу вам результаты моих розысков¹¹⁷.

¹¹² Мазаньелло (Masaniello; 1623–1647) – неаполитанский вожак-бунтарь.

¹¹³ Правильно: каморрист; член преступной неаполитанской организации – каморры.

¹¹⁴ Итальянизм: *vetturino* – извозчик.

¹¹⁵ Они из каморры.

¹¹⁶ Правильное написание: *iettatura* (сглаз); иеттатор – тот, кто причиняет сглаз.

¹¹⁷ Неаполитанской каморре автором посвящена позднее XVIII глава «Записок гарибальдийца», под названием «С ан джо ван н ар а»; редакция «Русского вестника», публикуя эту главу, сделала следующее примечание: «О Санджованнаре и вообще о гаморристах, или каморристах см. статью “Неаполь и Тоскана” в “Современной летописи”, № 34».

Гаморра не шайка, не тайное общество, и Дюма в новом своем сочинении о Неаполе¹¹⁸, говорит о ней очень неудачно. Гаморра – правительство ладзаронов, не подошедших, как я выше сказал, под законы, изданные правительством Бурбонов для и против других классов королевства; правительство независимое от официального неаполитанского правительства, равносильное ему, ведущее с ним переговоры от равного к равному и только что не посылающее своих агентов и посланников за границу. Виноват, впрочем: в настоящее время гаморра в правильных дипломатических отношениях с Римом. Ладзароны вынуждены были подчиниться гаморре, сначала вследствие сильно развившейся в них потребности противопоставить своим врагам какую-нибудь компактную, сколько-нибудь организованную массу. Гаморристы должны были защищать их от нападений полициоттов и сбиров, а ладзарон обязывался платить им посильную подать. Каждый квартал, каждое отдельное ремесленное общество имеет своих гаморристов. Чтобы таким способом найти в этом учреждении ограду против гонений и притеснений полиции, ладзароны должны были стараться придать своим гаморристам особенную силу. Кто хочет сделаться гаморристом, от того требуются особенные качества: физическая сила, умение владеть оружием, пронырливость и холодная жестокость. Большая часть гаморристов, пользующихся особенной репутацией, были по несколько раз приговариваемы к галерам¹¹⁹, многие бежали из тюрьмы, и один раз попав в темный лабиринт переулков Неаполя и поместившись под покровительство какого-нибудь из могущественнейших гаморристов, спокойно смеялись над усилиями полиции и ожидали удобного случая собрать себе достаточное число клиентов и сподвижников, чтобы начать самостоятельную деятельность. Гаморра тяжело лежит на плечах массы народа, живет за ее счет и кровь. Хотя обыкновенно гаморристы ограничиваются податью, не превышающей половины барыша ладзарона, но для сбора податей отправляются клиенты, которые в свою пользу берут по крайней мере половину остального, и таким образом настоящему владельцу остается только четверть его имущества, а иногда и просто всё у него отбирается, если гаморрист очень силен и не боится народного гнева. Ладзароны, живущие дружно с гаморрой, не стесняются ничем. Они могут красть, совершать всевозможные преступления – полиция их не коснется. Если у вас украли что-либо, ни за что не обращайтесь в полицию, а ищите протекции гаморристов. Многие из них, беглые каторжники, живут теперь очень роскошно – *fanno figura*¹²⁰, как говорят в Неаполе, ездят в свет и принимают у себя. Все хорошо знают прошедшее такого господина, но никто не осмеливается ни словом, ни движением подать повод к подозрению. Мести гаморристов неаполитанцы, без различия класса и состояния, боятся пуще грома небесного. Между гаморристами есть также женщины.

Нужно, впрочем, заметить, что хотя общее правило таково, каким я его представил, но попадаются порой блистательные исключения, и о некоторых из них я скажу после. Тем не менее, гаморра остается учреждением вредным в высшей степени. Настоящее правительство, кажется, сознает это, но до сих пор ему еще не удалось ничего сделать в этом отношении, и оно даже, чтоб ослабить одну партию гаморристов, обращалось к другой. Может быть, оно вынуждено было к тому необходимостью, но во всяком случае это подает дурные надежды на будущее. Уничтожить гаморру разом нет никакой возможности. Крутые и строгие меры ни к чему не приведут. Если бы даже перестрелять и перевешать всех гаморристов, пока правительство не приобретет полного доверия к себе народа, пока оно не заменит существующей безурядицы благоразумными и правительство исполняемыми полицейскими постановлениями, пока ладзарон не почувствует себя гражданином, и ему не представится честная деятельность, сколько

¹¹⁸ Александр Дюма опубликовал ряд очерков по данной теме, ставших основой многотомной исторической хроники неаполитанских Бурбонов («I Borboni di Napoli»; 1862–1863); о пребывании Дюма в Неаполе см. главу «Журнал Indpendente» (№ XVI) в «Записках гарибальдийца».

¹¹⁹ Итальянизм: galera – тюрьма.

¹²⁰ Дословно: делают фигуру.

не разгоняйте разбойничьих шаек, какие хотите употребляйте жестокие меры, вы не дойдете до благополучных результатов.

Замечателен следующий факт. Большинство гаморристов, так дружелюбно уживавшихся с прежним правительством, во время последней революции оказались против него, и многие из них обнаружили необыкновенную, и непонятную, горячую, бескорыстную преданность итальянскому движению. Позвольте познакомить вас с двумя личностями подобного рода, – Гамбарделлой, рыбаком с Санта-Лучии, и Санджованнарой, целовальницей¹²¹ из Старого Неаполя.

Лично я мало знал Гамбарделлу; видел его раза два или три в *Palazzo d'Angri*, где жил Гарибальди. Один раз я был представлен ему его приятелем, поручиком национальной гвардии. С неаполитанцем очень трудно познакомиться, в особенности если вы говорите с ним чистым итальянским языком. Гамбарделла стеснялся перед новым лицом; он только что вышел от диктатора и был, как говорится, не в своей тарелке. У него одна из тех резких и выразительных физиономий, которые в Неаполе встречаешь на каждом шагу и на которые, по привычке, перестаешь обращать внимание. Между тем человек этот очень замечательный. Родившийся и выросший среди разврата, который успел, конечно, несколько пристать к нему, он настолько выказал привязанности к национальному движению, что не воспользовался днями смут, чтобы набить карман, как многие другие, но напротив употребил всю свою власть гаморриста для поддержания порядка в эти трудные минуты. Еще при прежнем правительстве он выказывался ревностным патриотом, потерпел за то много гонений и сидел в тюрьме. При вступлении Гарибальди в Неаполь, он встретил его от лица народа и сказал при этом длинную речь на неаполитанском диалекте. Не знаю, понял ли ее Гарибальди, я же со своей стороны видел только отчаянную мимику. Оратор не мог кончить своей речи. Он с неподдельным волнением бросился на колени и поцеловал руку народного героя. После это Гарибальди имел с ним много свиданий, и между ними бывали продолжительные разговоры. Из этих-то и тому подобных разговоров Гарибальди в несколько дней успел коротко ознакомиться со страной, которую видел первый раз, но которой понял и угадал все нужды и спешил по возможности удовлетворить их административными распоряжениями.

Несколько дней после того как я познакомился с Гамбарделлой, я встретил представившего меня ему поручика национальной гвардии. Личность эта сама по себе очень замечательна. Принадлежа к мелкой буржуазии, он не получил никакого образования. Замечу мимоходом, что в Неаполе очень мало людей с этим обыкновенным образованием, которое встречаешь всюду во всех городах Европы. Там вы найдете очень хороших ученых, но конторщика для магазина найти трудно. Это происходит от того, что во всем Неаполе нет ни одной порядочной школы, ни одного из тех легких и дешевых средств образоваться, которыми мог бы воспользоваться каждый, и потому только тот, кто положил себе специальною целью образоваться, может достигнуть этого, и то если не лишен материальных средств.

Но перейдем к моему поручику. Простой и добродушный на вид, он был хитер и пронырлив, вместе с тем готов душой и телом привязаться к первому встречному. Не раз скомпрометированный перед бурбонским правительством, он почти весь промежуток времени от 1848 г. и до нового объявления конституции провел в тюрьме, откуда через посредство гаморристов вел деятельный заговор. Едва выпущенный на волю, он вошел в сношение с рыбаками и окрестными жителями и приготавливал их к новым событиям. При этом он сошелся с Гамбарделлой и в короткое время сблизился и подружился с ним. Одна была несчастная слабость у

¹²¹ Т. е. кабачница (у автора ниже – «кабачница»), О Санджованнаре (наст. имя: Марианна Де Крешендо) подробнее см. одноименную главу в «Записках гарибальдийца» Мечникова. Ее кузен Сальваторе Де Крешендо, главарь каморры, по поручению Либерио Романо, отвечал за порядок в Неаполе после бегства короля Франциска II и до создания новой администрации. 21 октября 1860 г. во время плебисцита по присоединению к Сардинскому королевству, она приняла в нем демонстративное участие, хотя женщинам не давалось право голоса. Спустя пять дней вышел государственный указ, согласно которому Санджованнара стала получать, вместе с четырьмя другими неаполитанками, персональную государственную пенсию.

бедного патриота, а именно – говорить вычурно и изысканно, что ему не всегда удавалось, и иногда придавало его речам странный характер.

В этот день мой приятель был как-то особенно нахмурен: оливковое лицо его было длиннее обыкновенного, и на левой руке навязан черный креп. «Печальные вести», сказал он мне. – А что? Разве... «Да неужто вы не слышали о неприятном событии, случившемся сегодня утром с Гамбарделлой?»

Я ничего ровно не знал. Собеседник мой вытер кулаком глаза, голос его дрожал, а он не хотел выказать свое волнение. Несколько минут он не мог сказать ни слова. «*Voi conoscevate la prepotenza di quest'uomo* (вы ведь знали своенравие этого человека), – сказал он с досадою, – вот оно-то его до добра не довело». Гамбарделла утром того дня поссорился с рыбаком на Санта-Лучии. От слов дело дошло до драки; но сын рыбака, с которым ссорился Гамбарделла, мальчик лет пятнадцати, подбежал к нему сзади и всунул ему по самую рукоятку свой нож между ребер. Толпа бросилась на убийцу и на отца его, и насилу потом подоспевшая национальная гвардия отбила их обоих полуживых. Гамбарделла был мертв. На следующий день многочисленная толпа проводила тело своего трибуна на кладбище. Гарибальди шел за гробом...

Другое мое знакомство, это – Марьянна (не помню настоящей ее фамилии), известная всему Неаполю под именем Санджованнары. Кто дал ей это прозвище, и что оно означает, не знает ни она сама и никто в целом Неаполе. Санджованнара – содержательница кабака, как я уже сказал выше, в одном из тесных переулков Старого Неаполя, самой запущенной и мрачной части всего города. В этом кабаке собирались гаморристы и представители различных народных корпораций. Ее посещали и неаполитанские солдаты бурбонской армии; но немцы и всякие наемники не смели и носа показать в ее заведении. Там Санджованнара держала торжественные речи, возбуждала энтузиазм своих слушателей, собирала подписки, распоряжалась собранными суммами, подкупала. Полиция долго терпела опасную гаморристку, наконец послан был патруль из четырех человек арестовать ее в ее же собственном жилище. И до сих пор неизвестно, куда исчез этот патруль. Положено было принять решительные меры. Был послан целый отряд, чтобы схватить кабачницу и наиболее подозрительных из ее посетителей. На этот раз исчезла Санджованнара и пропала без вести, пока не произошла революция и не переменялось правительство.

В первый раз познакомился я с этою женщиной у Д.¹²², останавливавшихся в гостинице Витория пресловутого г. Мартина Цира. Санджованнара хотела достойно себя представить иностранному *principe*¹²³ и разрядилась в пух и прах. Невысокий полный стан был донельзя стянуть темным шелковым платьем. Черные волосы гладко прилизаны и покрыты громадным трехцветным платком, концы которого падали на смуглую грудь и плечи. Она уже не молода, в лице ее много грубого, вульгарного, но оно так правильно и вместе с тем так оживлено, густые, почти синие брови шевелятся, как усики у осы, крылья носа подвижны и ни на минуту не остаются в покое, – всё это вместе представляет чрезвычайно гармоничный ансамбль, и понятно, что в молодости женщина эта находила достаточно поклонников. В защите или покровительстве другого Санджованнара не нуждается. Она носит всегда при себе свой калабрийский стилет и владеет им лучше любого гаморриста. Ей сопутствовал широкоплечий, дюжий юноша без усов и бороды, гордо посматривавший на всех и каждого и самодовольно улыбающийся, замечая то впечатление, которое производила на других его покровительница.

Я набрасывал в альбом княгини Д. портрет Марьянны и всеми силами старался занять ее и воодушевить каким-нибудь разговором. Она конфузилась и подавалась очень неохотно. Это было тотчас по приезде в Неаполь короля Виктора-Эммануила. Вечером было назначено какое-

¹²² Возможно, князя Долгоруковы, Петр Владимирович (1816–1868), известный фрондер, историк, публицист, живший с 1859 г. в самоизгнании за границей (Мечников занимался переводами его памфлетов; см. также прим. на с. 20), и его супруга Ольга Дмитриевна, урожд. Давыдова (1824–1893).

¹²³ Князь.

то празднество, и я, истощив весь запас своей изобретательности, не нашел ничего лучше как спросить, пойдет ли она на этот праздник. В ответ, Санджованнара провела четырьмя пальцами правой руки у себя под подбородком и щелкнула языком, что на немом неаполитанском наречии значить нет, или вообще отрицание.

Продолжая разговор на эту же тему, я всевозможными иезуитскими уловками довел наконец почтенную гаморристку до того, что она несколько высказала свой образ мыслей о последних событиях. Она сильно склонялась на сторону неаннексионистов¹²⁴.

– Однако же вы вотировали *da*, – сказал я ей.

– Конечно, потому что этого хотел *babbo*¹²⁵.

Я удивился такой дочерней покорности Санджованнары, которой вовсе не ожидал в ней встретить. Но оказалось, что *babbo*

¹²⁴ Отрицательно относившиеся к присоединению Южной Италии к Объединенному Итальянскому королевству.

¹²⁵ Батюшка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.